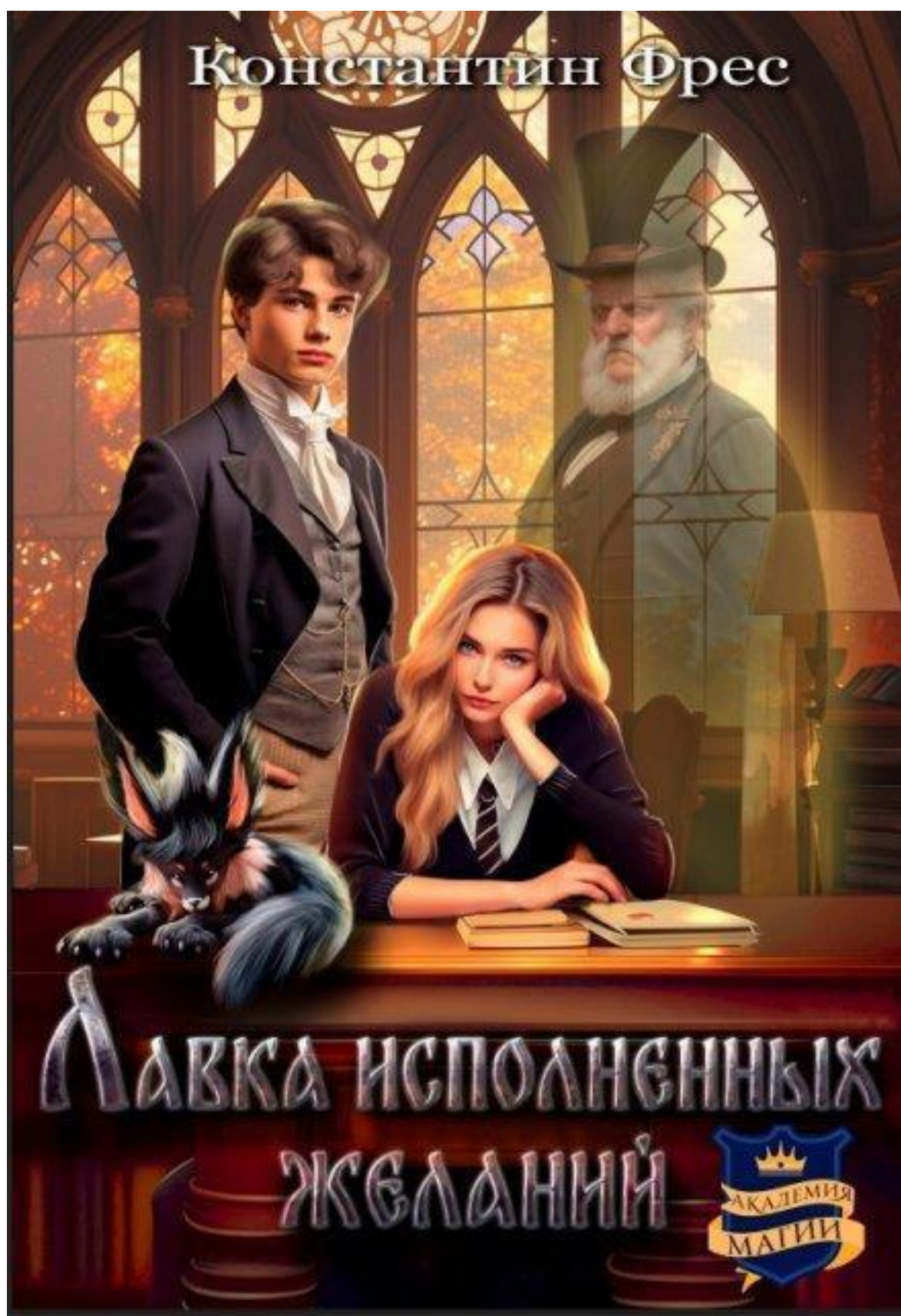

Константин Фрес

Константин Фрес

Лавка исполненных желаний

«Литнет»

2025

Фрес К.

Лавка исполненных желаний / К. Фрес — «Литнет», 2025

Я подкидыш, сирота без роду и племени, лишенная магии. Увечная и негодная. Приемная мать и сводная сестра считают меня своей прислугой, вещью. И не считаются с моим мнением. Мать решила выдать меня замуж. Ведь жених дает богатый выкуп за меня. Но он просто ужас! Он старый, толстый, похотливый, и мне совсем не нравится. И на мои чувства ему плевать. А у сводной сестры на меня свои планы. Я должна заменить ее в академии, куда мать ее заставляет поступить. Ведь сестра вместо учебы хочет побывать на празднике! В отчаянии я решаюсь на эту подмену и сбегаю из дома с надеждой, что в академии мне удастся выжить, начать самостоятельную жизнь и спрятаться от преследователей! Придется много работать. Обустроить старую заброшенную лавку магических артефактов и стать ее хозяйкой? Да! Обрести и сберечь магический дар, которого у меня никогда не было и которым хотят завладеть коварные и подозрительные личности? Да! Я изменю свою жизнь! Я приложу к этому все усилия! Главное — постараться, чтоб от меня отвязался противный, невозможный, приставучий хам! Белый Принц Академии...

© Фрес К., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Неудачная женитьба	5
Глава 2. Экспресс до академии	17
Глава 3. Убежище	32
Глава 4. Первый заработок	44
Глава 5. Как подписать гномий контракт	51
Глава 6. Студентка?!	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Глава 1. Неудачная женитьба

— Ах, какое счастье! Какое счастье тебе привалило! — притворно всхлипывает мачеха, прижимая пухлые руки к груди. — Такой мужчина на тебя обратил внимание!

И добавляет вполголоса, зло и истерично:

— Ты хоть бы улыбнулась ради приличия, мерзавка.

— Угу, — отвечаю я и склоняю голову ниже. — Разбежалась.

— Ах ты, маленькая стерва! — шепчет мачеха и приветливо скалится в лицо моему женишку. — Попробуй только расстрой эту свадьбу. И я тебя прибую веслом.

И она снова оскалилась в зловещей улыбке.

Чтоб он не заподозрил, что невеста ему не очень-то рада.

— Она так смущена... не верит своему счастью! — щебечет мачеха. — Да и как тут поверить! Все так неожиданно!

И толкает ногой кошель, набитый золотом, глубже под сидение.

На моих волосах лежит старая, выдавшая виды вуаль.

Прикрепленные к ней цветы сделаны из бумаги. Они от старости и пыли серые.

Букет невесты собран из самых чахлах цветов. Местами тоже бумажных.

И перетянут тонкой и самой дешевой атласной белой ленточкой.

Да и какие уже цветы зимой?

Хотя женишок для свадьбы мог бы и расстаться.

Послать в хороший цветочный магазин, где розы продаются круглый год.

Он-то совсем не бедный.

Даже наоборот.

Но жених решил, что и так сильно потратился.

Ведь мачехе моей он отсыпал полный кошель золотых монет, и, как будто бы, самых ярких самоцветов.

Проще говоря, он меня купил.

И эта свадебная церемония — чистая формальность.

Я ему уже принадлежу с головы до пят.

Старая гномья шахтерская кабинка, медленно сползающая по канатам в сторону гномьего города, скрипит и раскачивается над пропастью.

Мы сидим в ней вчетвером, я с женишком и мачеха со своей дочкой.

А я думаю, что неплохо было б, чтоб канат порвался и мы все упали бы вниз.

Потому что замуж ужас как не хочется. Лучше б помереть.

Женишок-то мой старый и толстый гном.

Мне всего восемнадцать, а ему, наверное, добрая сотня лет!

Он толстый, рыхлый и вялый, пыхтит все время.

У него свалывшаяся черная борода, похожая на растрепанный валенок.

Лоснящийся от долгой носки коричневый сюртук и натянутые чуть не до подмышек штаны.

Полосатые чулки на толстых икрах и крепкие туфли с пряжками на ногах.

В его пухлых руках тоже зажат букет чахлах цветов.

И он все время дрожит. Потому что гном смотрит, не отводя взгляда, на меня.

И его колотит от нетерпения.

— Всегда мечтал, — прокаркал он, не сводя с меня жуткого, похотливого взгляда, — попробовать на вкус фазанью курочку! Такую мягкую, такую сочную. Хе-хе...

Я чуть не блюю ему под ноги. Нет, мне лучше не думать, как он будет касаться меня своим волосатыми ручищами... как он станет сжимать своими толстыми пальцами мою грудь...

— Моя фазанья курочка, — рокошет он и более чем красноречиво хватает меня за задницу.

Я прижата к его толстому брюху и к тому, что расположено ниже брюха.

Там, ниже, в потертых коричневых бархатных штанах, твердо, жарко и влажно.

О, за что мне эти мучения?..

— В городе можно снять недурную комнату для утех, — угодливо встревает мачеха, глядя, как жирный гном беззастенчиво меня тискает. — Зачем ждать, если все желания можно реализовать здесь и сейчас? Мы все сделаем ради вас...

Меня чуть не выворачивает от омерзения.

Гном облизывается и шумно сопит.

По его лбу градом катится пот.

Вот зачем я ему?!

Мачеха моя гном. И дочь ее гном. Было бы логично, если бы этот жених не первой свежести сделал предложение не мне, а сводной сестрице.

Они так подходят друг другу.

И она была бы счастлива. Ибо женишок богат. Это сейчас он жмет.

А для жен -то гномы не жалеют ничего.

И мачеха бледнеет и краснеет, припоминая это.

Ей досадно, что такие денежки уплывают из ее рук.

Вот дочке ее такой жених был бы кстати. Да юная гномиха ему глазки строила!

Но я — не гном.

У меня тонкое тело, слабые руки и золотые волосы.

Я никогда и никого, похожего на меня, не видела.

Какого я роду-племени, мне неизвестно.

Думала, так и загнусь в одиночестве, до старости подметая полы мачехи и заваривая ей вечерний чай.

Но нет же!

Привалило же счастье в виде жениха-перестарка!

Чтобы прихвастнуть своей силой — а гномы ею славятся, — женишок встал у зубчатого колеса и принялся его крутить, чтоб гномья шахтерская кабинка быстрее ползла по канату вверх.

Его волосатые руки с мохнатыми пальцами вцепились в рукоятку и стиснули ее так, что казалось — из деревянной ручки брызнет масло, которым ее смазывали.

— Сегодня эти пальцы приласкают тебя! — доверительно сообщил мне гном, пыхтя и крутя ручку.

Этого только не хватало!

Я представила, как эти волосатые пальцы сжимают мою грудь, и мне стало совсем дурно.

Гному больше сотни лет.

У гномов это самый расцвет сил. Только мой женишок вместе с силами накопил сала на двести кило. Он пыхтит, как слон, стоит ему начать двигаться.

И воняет он тоже как животное.

— Я скоро приласкаю тебя, — снова интимно обещает мне гном. Словно пытается выбить из меня ответную реакцию.

— Оу, — говорю я.

А меня трясет. Ноги подгибаются, в горле пересохло.

Его похотливые глазки становятся абсолютно масляными.

— Ах, зачем девушку смущаете? — верещит мачеха. — У нее же в штанишках мокрым мокро! Ах вы, шалунишка! Разве можно так?

И я вдруг понимаю, что сегодня, сейчас, мне придется лечь в постель с этим гадким толстым гномом.

Он возьмет меня.

Пыхтя и давя всем весом.

И это наверняка будет больно и неприятно.

Как, впрочем, и всегда, отныне и впредь.

Гном, конечно, был силен. И готов тянуть кабинку хоть до небес, не то, что до города.

Но технику безопасности никто не отменял.

И на пункте, где гномы осматривают кабинку, ролики, канаты, нам пришлось остановиться.

Зависнуть между небом и землей.

Толстый гном отыскал в своем кармане серебряную монетку. Ею он должен оплатить и обслуживание нашей кабинки, и дальнейший путь.

Гном этому обстоятельству не рад. Ему денег жаль.

Но жениться все-таки хочется.

Поэтому он вприпрыжку бежит к будке смотрительницы.

Оттуда, из окошка будки, выглядывает тяжелая и недобрая гномья рожа.

Держу пари, эти двое полчаса будут торговаться до хрипоты.

Мачеха была возбуждена и деятельна.

— Пожалуй, я присмотрю вам уютное гнездышко? — щебечет она мне, жадно стискивая кошелек. — На обратном пути порадуешь мужа. Только старайся как следует, мерзавка! Я не хочу, чтоб господин Борин потребовал обратно свои денежки!

Непонятно, зачем она его с собой таскает.

Что такого дал ей толстый гном, что она боится оставить это дома без присмотра?

Или из рук не хочет выпускать?

Неужто какое-то особое кольцо с голубыми камушками?

Мачеха любит голубой цвет...

— Расстараюсь, как же, — бурчу я. — Я замужем не была. Как радовать мужа, не знаю. Может вы матушка, ляжете и покажете, как надо?

— Ах ты, бесстыдница! — шипит мачеха. — Поменьше болтай, не то отведаешь палки!

Она влепила бы мне плюху, но ей некогда.

Кажется, со своими сокровищами она спешит на рынок. Хочет что-то купить на деньги, полученные от гнома?

Самое смешное, что мне, как невесте, гном не подарил ничего.

Гномиху-невесту пришлось бы уламывать долго. Уговаривать и заваливать подарками.

А я порченная. Не гномиха вообще.

И гном вроде как одолжение сделал, что меня взял.

Толстый паршивец!

— Чего смотреть, — гундосит Роза, ее дочь. — Вон там, за скалами, мотель.

— И то верно, — радуется мачеха. — Ну, вы вот что. Возьмите пяточок, — она роется в кармане и отыскивает монетку, — и идите, присмотрите комнатку получше! Да обязательно с кроватью покрепче.

Она смеется густым, жирным смехом, глядя на меня своими маленькими хитрыми глазками.

— Пятака маловато, — гудит Роза.

— Ничего, хватит! — огрызается мачеха. — Скажите, что уборку сами сделаете! Подметете, белье поменяете... Чего там еще...

— Не буду я ей белье менять! — сердито гудит Роза.

— Будешь! — крысится мачеха. — Если не хочешь, чтоб Борин деньги отобрал! Наряжаться-то ты любишь?!

Рози сегодня действительно очень красивая.

Можно даже подумать, что невеста она, а не я.

Кто знает, какими ухищрениями Рози убедила мать, что красная юбка и черный бархатный корсет — это подходящее одеяние для поездки в гномий город, чтоб выдать меня замуж.

Да только она одета была именно так.

Ее пышная грудь, обтянутая белой блузой, возвышалась над корсетом, богато расшитым золотыми нитями.

На могучей шее гномихи висели в три ряда шикарные новые бусы из красных блестящих коралловых бусин.

Рыжие волосы, заплетенные в косы, были уложены на голове веночком.

— Люблю, — гудит Рози сердито.

— И за обучение в академии за год Борин тоже заплатил, — веско добавляет мачеха.

Вот это новость!

Рози едет учиться в академию? А я и не знала!

— Не хочу, — гудит Рози.

— Мало ли, чего ты не хочешь! — снова злится мачеха. — Спасибо потом скажешь! Обучение в самой лучшей академии! А если покажешь себя, то и работать там останешься! Талант-то у тебя есть!

— Но я не могу ехать в академию! Совершенно не могу! А как же день рождения Сибиллы?! — вопит Рози. — Я, между прочим, готовилась к нему целый год! Я узнавала, какие платья будут на всех приглашенных, чтобы пошить самое красивое! Прическа! Туфли! А мои бусики?! Таких бусиков во всем городе не сыщешь! И что, их никто не увидит?! Это несправедливо, несправедливо!

— Справедливо, — отрезает мачеха. — Ну, марш в мотель! И чтоб к моему приходу было все готово!

В мотеле на пяточок нам удалось арендовать ужасную, самую маленькую и темную комнату.

Захламленную и сырую.

Зато с гномьей могучей кроватью из крепкого дуба.

— Давай-ка, веник бери, — скомандовала Рози, заваливаясь на ложе любви прямо в башмаках. — А я отдохну.

Она отвернулась к стене и принялась пальцем водить по узорам на старом, выдавшем виды ковре.

А я, со вздохом стащив свою фату, взяла метлу и принялась сгребать в кучу мусор, оставленный на полу прежними постояльцами, неряхами-гномами.

Метла была тяжелая и толстая, и дело у меня не спорилось.

А вот у Рози мыслительный процесс, кажется, прошел на ура.

— Кирка! Иди поближе! — внезапно усевшись торчком на постели, вдруг брякнула она. — Ну, иди, что скажу!..

«Что скажу» — эту фразу Рози обычно говорила перед тем, как свалить на меня дела, которые ей лень было делать.

А гномиха-мать строго спросит.

И если Рози захнычет, скажет, что занозила гвоздиком палец, то мачеха спросит с нас обеих.

Так что лучше все сделать до того, как она возьмет в руки розги.

Я оставила веник, благо, что пол был почти дометен. Отерла натруженные руки о передник.

Да! Несмотря на день своей свадьбы, я была одета, как служанка или посудомойка. В темную юбку до пола, в черный суконный корсаж и светлую блузу. На ногах моих были толстые шерстяные чулки и деревянные башмаки.

Ведь другой-то одежды, покрасивее, у меня не было.
 А передник я снять просто позабыла.

— Ты сегодня не выходишь замуж! Вместо этого сбежишь вот прямо сейчас и поедешь вместо меня в Академию Голодранцев! — без предисловий выпалила Роза.

Глаза ее отчаянно сверкали. А руки сжимали какой-то сверток.

Было видно, что желание покрасоваться на дне рождения Сибиллы пересилило страх перед наказанием, и она решилась на ужасный шаг.

— Что?! — изумилась я и от неожиданности уселась на крышку сундука в углу комнаты. — Ты с ума сошла?! Таких, как ты, туда берут за огромную плату! Гномиха-мать выторговала у этого борова Борина плату на твоё обучение! А ты собираешься всё это потерять из-за какого-то дня рождения?! Или ты думаешь, что гномиха-мать будет платить за меня?!

Я осуждающе покачала головой.

В глубине души я сама очень хотела бы попасть в эту академию.

Но понимала, что шансов у неё нет.

Нет, дело не в оплате.

Как раз-таки тех, кто оплатить не может, берут туда с охотой.

Если молодой человек хотел обучиться магическому ремеслу и не боялся трудностей, если он был прилежен и смел, то академия его взяла бы.

Но...

Дело было в магическом таланте — его у меня просто не было.

Никакого.

— Я бы ни о чём не упустила такой шанс! — завершила свою гневную речь я.

— Я его и не упущу! — радостно произнесла Роза, раздувая пышные красные щеки. — Глупышка, ты думаешь, я не понимаю, как мне повезло? Ректор Академии, мастер Леонидас, ответил на письмо матери... э-э-э... дай-ка, вспомню... «Мы примем без вопросов любого, кто придет из вашего глубокоуважаемого мной дома». Во как!

— Ну, ещё бы, — уныло произнесла я.

Роза, в отличие от меня, талантами просто блистала.

Юная гномиха отлично варила зелья.

Простенькие, самые безобидные, но отличного качества. Талант!

— Понимаешь? Любого! — торжественно воздев палец вверх, произнесла Роза. — Не задавая вопросов и не глядя! От тебя требуется только прибыть туда и поучаствовать в переключке. И подписать моим именем контракт. И всё. А потом, чуть позже, приеду я, и мы с тобой просто поменяемся местами. Так что учиться я буду сама. Да я и на подписание контракта поехала бы, если б не праздник. Но кто же знал, что они перенесут дату подписания контракта на день рождения Сибиллы! Это почти на неделю раньше обычного!

Я с сомнением покачала головой.

— Как у тебя всё просто выходит, — произнесла она. — Поменяемся! Думаешь, никто не задаст вопросов, почему приехала и подписала одна девица, а учится совсем другая?

Но Роза, со свойственной гномам грубоватой беспечностью, лишь дернула плечом.

— Я всё продумала, — ответила она и задрала юбку.

На её ногах, сверкая лаком, были надеты красные башмаки на каблучке.

Самая красивая и самая праздничная обувь, какую я только видела.

— Я стащила их у матери, — отчаянно и грубо произнесла Роза. — Вместе с твоим приданым.

— И что же?

— А то! Это не просто башмаки. Это магические туфли! Если ты их наденешь, то станешь похожа на того, на кого пожелаешь.

— Я... стану тобой?!

— Ну, не совсем мной... Лицом ты останешься на себя похожа. И волосы будут того же цвета. А в общем, ты станешь гномом.

Гномом!

Стать толстой, что кубышка, с кулачками-дыньками, и с пузом?!

Годится! Если это поможет мне избежать брака, то годится!

Однако, и сомнения не перестали меня тревожить.

— Но я-то совсем не похожа на тебя, — заметила я. — Я могу вместо тебя явиться. Но как мы объясним обратную подмену?!

— Подумаешь! — храбро ответила Роза. — Плевать, что скажут. Контракт-то будет подписан. Да и кто заметит подмену? Ты там пробудешь максимум три дня. Ну, четыре — пока у Сибиллы кончатся праздники, пока мы протрезвеем, пока я доберусь до академии... Кто за это время тебя запомнит? Ты что, какая-то особенная? Нет. Так вот, просто не высовывайся. Прячься от учителей, как ты умеешь. В свободное от учебы время можешь даже прогулять, я разрешаю. Сама потом разберусь с твоими долгами.

— С моими долгами?! Четыре дня?! Знаю я тебя! — сердито ответила я, поднимаясь на ноги. — Почувствуй свободу, ты и пару недель там задержаться можешь! Да и после всего этого куда я денусь? А гномиха-мать потом палку о мой бок обломает за то, что сбежала и не вышла замуж за этого Борина! Нет уж! Я ни за что на это не подпишусь!

— Ты можешь там остаться, — ответила Роза. — В академии. Наймешься на работу, и к матери не надо будет возвращаться!

— А если не наймусь? Если меня не примут там? Если выгонят?

— Если согласишься, я отдам тебе то, что дед нашел рядом с тобой! — вдруг выпалила Роза с отчаянием и тряхнула свертком. — Приданое! Твое эльфийское приданое!

В ее руках что-то загромыхало.

По-видимому, там, под слоем грубой серой бумаги, была деревянная шкатулка.

А в ней лежали какие-то предметы. Наверное, тоже деревянные.

Сердце мое остановилось.

— Отдай! Сейчас отдай! Это мое!

Я потянулась к Розе, протянула руку.

Пальцы мои дрожали.

Юная гномиха ловко подняла шкатулку повыше, чтоб я не достала ее.

— Отдам, если согласишься, — нахриписто произнесла она. — Мать велела ее приберечь до твоего совершеннолетия, мало ли, что там такое. Но я, так и быть, отдам раньше. Услуга за услугу! Подумай, как следует. Вещицы, оставшиеся тебе от твоих родных! Интересно, что там?

Роза поднесла шкатулку к уху и встряхнула ее как следует.

Там снова загремело, и я почувствовала, как по спине бегут мурашки.

— Не тряс! — воскликнула я. — А вдруг там что-нибудь сломается?!

— Да ерунда, — ответила Роза, встряхнув еще. — Я уже тысячу раз так делала, пытаюсь угадать, что там такое. Мать мне не говорит, да и открывать не велела. Ну, так что с нашим уговором?

— Я согласна, согласна! — закричала я отчаянно. — Только отдай сейчас!.. Сию минуту!

— Да уж отдам, — сварливо ответила Роза. — Мне и самой не терпится узнать, что там лежит. Но тебе же можно доверять? Ты ж не обманешь?

— Разумеется, нет! — воскликнула я. — Разве я обманывала тебя хоть когда-нибудь?!

— Ну, на, открывай, — пробубнила Рози, протянув шкатулку мне.

Дрожащими пальцами я растерзала оберточную бумагу, развязала бечёвки, стягивающие сверток.

В руках моих оказалась и в самом деле милая шкатулка, выточенная из розового дерева.

— Неплохо, — хмыкнула Рози. — А что внутри? Открой.

— Как? — спросила я, вертя шкатулку и так, и этак. — У меня и ключа-то нет.

— Должен быть какой-то секрет, — уверенно произнесла Рози. — Ну, подумай!

— Может, как в сказке, — неуверенно произнесла я. — Нужно волшебное слово? Сезам, откройся?

— Это точно не то слово, — уверенно заявила Рози. — Попробуй что-то другое.

— Что? Незабудки? Ландыши? — без особой надежды на успех произнесла я. А потом вдруг подумала, и тихо, так, чтобы не услышала Рози, одними губами, прошептала: — Ну, откройся же! Это я, Кира!

И шкатулка вдруг со звонким щелчком открылась.

— Ух ты! — восхитилась Рози. — Что ты такое сказала?!

— Ландыши, — отчего-то вдруг соврала я. И густо покраснела.

Раньше мне не приходилось обманывать Рози.

Но именно сейчас она поняла: тайное слово нельзя доверять никому, а тем более — проныре-гномихе.

Потому что, знай она секрет, Рози никогда не упустит случая прибрать к своим рукам и это небольшое волшебное чудо.

— Ну, что там? — нетерпеливо произнесла Рози.

В шкатулке, в аккуратных бархатных углублениях, каждый на своем месте, оказалось несколько забавных, ярко раскрашенных фигурок странных зверьков с огромными глазами, отполированных и залакированных.

Потому-то они и не разбились, когда Рози трясла шкатулку. Они были деревянными.

Мышонок, лисенок, лягушка, несколько понятных существ с рогами оленя и ягнячьи нежными ушками.

Рядышком с ними, тоже каждый в своем бархатном гнезде, лежали крохотные сундучки, мешочки — нехитрые пожитки самих кукол.

— Игрушки? Детские игрушки? — разочарованно произнесла Рози, рассматривая зверьков и их крохотные сундучки. — А я-то думала... Твои родные могли б положить тебе сюда хотя б горсть золотых!

Но для меня эти игрушки были дороже всего на свете.

Игрушки были милые, необычные, очень яркие.

Они приятно ложились в руку, как нагретый на солнце круглый камешек, отполированный ласковыми волнами реки.

И мне показалось, что они ласкаются.

— Наверное, мама сама их сделала? — любовно поглаживая округлого коричневого зверька с задумчивыми синими глазами, произнесла я. — Смотри, у него шерстка нарисована полупрозрачной серебряной краской, и носик розовый!

— Ты слишком взрослая для игр! — грубо ответила Рози. Куклы были хороши, но слишком мелкие для ее широких ладоней и толстых пальцев. И гномиха быстро потеряла к ним интерес. — Ну, так наш договор в силе?

— Разумеется, — вздохнула я. — Но... стой, погоди! А в чем же я поеду?! Не в грязной же одежде служанки, и не в деревянных же башмаках!

— Началось! — заворчала гномиха. — Так и знала, что ты будешь финтить!

— Я и не думала! Но сама посуди: кто мне поверит, если я явлюсь как оборванка?

— А ты не являйся! — сварливо ответила Роза, умывая руки и не желая больше думать о том, как решить проблему с Академией. — Придумай что-нибудь! Сшей новое платье!

— Из чего?! Да и когда, если ехать-то уже сейчас! — удивилась я, но Роза уже не слушала.

Она была поглощена тем, что рассматривала свои новые ленты и предвкушала свой триумф на предстоящем празднике.

Я натянула красные башмаки на ноги, застегнула серебряные пряжки. И изо всех сил пожелала стать похожей на Розу.

На гнома.

Чтобы даже мой престарелый женишок не смог меня узнать в новом образе!

— Хорошо! — довольная, проговорила Роза.

Она оглядела меня с головы до ног и гадко захихикала.

— Ну, поди, посмотришься.

Я смахнула ладонью пыль со старого зеркала. И с мутной поверхности на меня глянула крепкая краснощекая кубышка-гном со светлыми льняными волосами.

Одежда осталась та же самая. Темная юбка, серый от долгой носки и многочисленных стирок передник.

Только теперь они смотрелись как-то гармоничнее, что ли.

Даже полосатые чулки на растолстевших икрах сидели просто неподражаемо!

— Как это возможно! — прошептала я, потрясенная, рассматривая свои пухлые ручки и толстые, короткие гномьи пальцы.

— Это же иллюзия, — небрежно ответила Роза. — Внутри-то этой иллюзии ты осталась прежней. Ну, шевелись! Тебе надо удрать прежде, чем матушка тебя застукает! Уж ее-то не проведешь, у нее глаз наметанный. Она мигом увидит свои башмаки и поймет, что к чему.

— Но-но-но, — от волнения я даже заикаться начала. — А как же я попаду в эту академию? Я даже не знаю, где это?

— Другие зато знают, — отрезала Роза грубовато. — На вот, держи!

Из своего кармана, полного разноцветных камешков, сладостей и бусин, она выудила три монетки. Целых три пяточка! Щедро, что ни говори.

— Я все продумала, — сообщила мне Роза доверительно. — Сейчас ты вернешься к шахтерским кабинкам. Там спросишь, какая идет через Гномью Долину в Академию. Ну, и сядешь в нее. Много-то ума для этого не надо! Давай!

— А как же ты? — спросила я, нерешительно отступая к двери. — Матушка на тебя злиться будет.

— Не будет, — так же беспечно ответила Роза. Хотя, конечно, за мой побег она сильно рисковала отведать палки. Но даже угроза наказания не пугала ее и не заставила отказаться от намеченного плана. — Скажу, что придремала. А ты удрала, неблагодарная свинья. Матушка обнаружит пропажу твоей шкатулки и решит, что ты заранее готовила этот побег.

Я покачала головой.

Все-то она продумала, хитрюга!

И, разумеется, во всем решила меня выставить виноватой!

Впрочем, что мне-то за дело?

Я возвращаться к гномам не собираюсь.

Если повезет, то все устроится так, как говорит Роза.

И я найду свое место под солнцем в стенах академии.

Обустроюсь там, стану работать.

Гномиха-мать не станет меня уж так рьяно преследовать. Я же ничего у нее не ukrала. Шкатулка? Так она моя! Они всем семейством ее открыть не смогли, а я — одним словом открыла!

А волшебные башмаки я потом отправлю ей почтой!

— А ты-то как же... в Академию... За твои прогулы матушка тебе ребра пересчитает.

— Ой, ну не зуди! Куда денется твоя Академия, она стоит сто лет, и еще столько же простоит! Матушка меня отправит на учебу, а я заверну к Сибилле. Из академии же придут вести, что я благополучно добралась — то есть, ты добралась. Я нагуляюсь и потом, когда-нибудь, подменю тебя. И матушка ничего не заподозрит. Ну, давай живее! А я и правда всхрапну.

И Роза снова повалилась на кровать, да так, что та жалобно затрещала.

А чтоб ее не беспокоили, она накрылась моей пыльной, серой и некрасивой фатой.

Что было делать?

Упрятав шкатулку поглубже в карман, я глубоко вздохнула, унимая бешено бьющееся сердце, и отважно открыла дверь...

В новую жизнь!

Стараясь не сутулиться и не прятать лицо, я прошла мимо стойки гномихи-распорядительницы. Она и ухом не повела. Мало ли кто шляется.

И в погоню за мной не бросилась.

И не стала тыкать пальцем.

Это придало мне уверенности.

Я даже дверь на улицу отворила пинком, как это сделала бы Роза.

Гномиха искоса на меня глянула и снова уткнулась в свою амбарную книгу, в которой записывала прибыль огромным пером.

Ни матушки-гномихи, ни женишка на улице видно не было.

И я почти бегом пропустила к станции, где со скрипом прибывали и отбывали кабинки.

Было холодно; на затвердевшую от морозного дыхания неба землю сыпались редкие снежинки.

Но гномы-обслуга кабинок щеголяли по пояс голышом.

В одних только кожаных штанах и меховых сапогах, перетянутых на икрах кожаным ремнями.

Они шустро крутили какие-то зубчатые колеса, гайки. Смазывали механизмы тележки маслом и дергали за ремни и канаты, проверяя, прочно ли тележка держится.

Их голые плечи были красными и скользкими от пота.

Шерсть на крепких зашивках стояла дыбом.

И чем холоднее задувал ветер, тем громче они хохотали.

— А можно узнать, — робко пролепетала я. — Маршрут на Академию... Академию Голодранцев...

Гномы так громко лязгали своими железяками, рычагами и колесами, что мой робкий вопрос расслышали не сразу.

А когда расслышали, то разом впятером обернулись к одной из тележек и указали на нее пальцами.

— Эта! — прохрипели они в пять луженых глоток.

Как быстро я нашла нужную! Вот только один нюанс — тележка, набитая пассажирами под завязку, вздрогнула и медленно поползла по канату вниз.

С горы в туман Гномьей Долины.

— Ай-ай-ай, — заверещала я. — А следующая когда?

— Послезавтра, — крикнул мне в ответ гном. — Если повезет.

— Ай-ай-ай! — холодея, закричала я.

Перспектива ненавистного супружества, о которой я почти забыла, нарисовалась снова.

Куда я денусь до послезавтра?! Комнату сниму в мотеле?
Матушка-гномиха в ярости весь город перевернет, разыскивая меня.
И Розы предупредила — обмануть матушку не удастся.
А если у меня все же и получится отсидеться где-то, то питаться я на что буду?
Три пятачка — не та сумма, на которую можно шиковать!
Решение пришло в один миг.
Отчаянное и страшное.
Страшнее, чем физиономия старого похотливого гнома.
Толкнувшись ногой о замерзшую землю, я, грохоча каблуками красных башмаков, помчалась вслед за тележкой в отчаянной попытке допрыгнуть до уходящего транспорта.

Наверное, этот бег запомнят на гномьей станции навсегда.
Толстая, как бочка, гномиха с растрепанными волосами, очумевшим взглядом с диким криком кометой пронеслась по перрону.
И со смелостью белки-летяги рухнула в пропасть, вслед за уходящей кабинкой.
Растопырив ноги и руки и планируя на собственной юбке.
На миг станция замерла, ожидая страшного крика летящей в пропасть девчонки.
Но вместо него послышался смачный «шлеп!».
Это я приземлилась на крышу плашмя.
И со стоном принялась стекать поближе к дверям кабинки.
Гномы, приостановившие свою работу ради такого великолепного зрелища, стряхнули оцепенение.
Старший их подкрутил усы.
— Гномы — самые смелые и безбашенные существа на земле! — тщеславно прокричал он.
Может быть.
Очень может быть.
Только я не гном...

Помирая со страху, слушая, как хлопает на ветру моя юбка, я медленно сползала по обледеневшему боку кабинки.
— Руку, руку!
Обычно я довольно стройная девушка. Матушка-гномиха говорит — тощая.
А в образе гномихи я смотрелась на все полтора центнера.
Огромная, как свежеевыпеченный каравай, грудь.
Пузо что твой арбуз, припрятанный под корсажем.
Ляжечки и икры откормленного поросенка.
И щеки — по полпуда каждая!
Но *этот*, вылезший из кабинки мне на помощь — он смело протянул мне ладонь.
Хотя выглядел намного более худым, чем моя откормленная иллюзия.
Как будто был уверен, что удержит тяжелую, как кусок скалы, падающую гномиху...
— Давай руку! А то упадешь! — твердил он.
Ветер рвал и трепал его темно-каштановые гладкие волосы.
Этот шурил глаза, чтоб в них не намело песка со скал.
А я, как дурочка, пялилась на него.
Потому что он не был похож на гнома.
Он был похож на меня!
Строение тела, рост, черты лица — все говорило о том, что мы, вероятно, принадлежим к одной расе!

Никогда таких существ не видела!

Гномья Долина очень замкнутое поселение. Если другие существа туда и забредают, то только на рынки или в мастерские.

А кто б меня отпустил на рынок, поглазеть на приезжих?

Я была в таком изумлении, что даже бояться забыла.

И протянула ему руку, забыв о предосторожности.

Ветру только этого и надо было.

Как только моя хватка, припиливающая меня к крыше вагонетки, ослабла, ветер легко меня подхватил и сдул с крыши.

С воплем и с запоздалым раскаянием я полетела вниз.

Все завращалось у меня перед глазами.

Но *этом* был начеку.

Он успел меня ухватить за запястье, сильно, больно, крепко.

И одним рывком втащил в кабину.

— Ахгр, — кашляла я, тараща на него глаза. — Грах!

Сердце выскакивало из груди, за шиворот словно кипятка плеснули.

И он ползет по моей шее, по спине, сдирая кожу...

— Ну, цела? — весело спрашивает мой спаситель, улыбаясь.

Смотрит на меня. А сам держит, не отпускает.

Верно, боится, что я упаду.

— Как будто бы, — несмело отвечаю я.

Кабинка полна гномих.

Они гомонили и толкались, обсуждая мое падение и фееричное, безумно опасное спасение.

Все они были одеты в добротные плащи, подбитые мехом.

На ногах гномих — теплые крепкие ботинки.

На головах — шляпки.

И у всех на груди герб, не герб, эмблема, не эмблема...

«Работницы академии! — с замиранием сердца подумала я. — Какие все хорошенькие и нарядные! Не то, что я...»

И я стыдливо одернула свою выдавшую виды юбку.

— Ты как тут оказалась? — весело спросил *этом*. — Одна, без верхней одежды? Да ты вся продрогла, бедняжка!

И он поспешно сорвал с себя щегольское пальто с меховым воротником и накинул мне на плечи.

Да, да. Матушка-гномиха решила, что мне не нужен плащ, чтоб по-быстренькому жениться.

И вообще — с сегодняшнего дня моя одежда должна была стать головной болью моего мужа!

Но, слава богу, этого не произошло.

Мой же спаситель...

Определенно, это был мужчина.

Молодой мужчина.

Юноша.

У него, в отличие от гномов, бороды не было. Лицо его было гладко выбрито.

И мне это ужасно понравилось.

Сразу можно разглядеть, какой у него нос, какой рот! И сколько зубов во рту — у гномов-то порой половины не было.

И они прятали это за усами!

А его глаза...

Умные, яркие.

Очень красивые.

Красивые настолько, что у меня голова закружилась.

— Я в академию, — проямлила я.

— А! На работу к мисс Кетчхим? — уточнил он.

Кто такая мисс Кетчхим, я понятия не имела. Но на всякий случай кивнула.

К нам протиснулась гномиха с кожаной сумкой на ремне, свисающей до самого пояса, как большой карман.

— Плату за проезд давай, — сердито велела она. — Иначе я отправлю тебя вниз экспрессом!

— Как это? — прошептала я испуганно.

Гномиха не ответила.

Лишь мотнула головой, указав на пропасть за стенками кабинки...

Глава 2. Экспресс до академии

Ох, мое счастье, что я не услышала воплей матушки, обнаружившей мою пропажу!
Говорят, она перевернула весь мотель, врывается во все комнаты и даже смотрела под кроватями.

Еще громче орала Рози.

Потому что вернувшийся женишок, обнаруживший на кровати спящее нечто, завернутое в фату, сослепу решил, что это я.

Цветочки на башке есть — значит, невеста.

Свадьбы, конечно, еще не было.

Но страсть возрастного влюбленного была так велика, что он захотел отведать фазаньей курочки прямо сию минуту. Нелегально и дерзко.

И завалился прямо на Рози.

Всю мощь его страсти кровать вынесла.

А потисканная Рози — нет.

Она выла как гудок гномьего горного шахтерского паровоза.

И лупила гнома кулаком по плешивой голове.

А тот вначале принял ее сопротивление за кокетливые брачные игры.

И отпустил Рози не сразу.

После того, как вволю натискал ее пухлые ляжки.

— Это черт знает что! — рыдала Рози, оправляя измятую старым гномом юбку. — Все бока в синяках! Приличным гномам на глаза не покажешься!

— Откуда мне было знать, — сварливо бубнил старый сластолюбец.

— Глаза свои пошире раскрой, трухлявый пень! — орала оскорбленная до глубины души Рози.

— А нечего напяливать чужую фату! — злорадно отвечал мой несостоявшийся жених.

— И кстати. Где моя невеста?! Куда ты дела ее, ленивая толстуха?!

— Я что-то не припомню, чтоб ты платил мне за то, чтобы я ее сторожила! — орала в ответ нахальная Рози.

— Иди-ка и поищи ее!

— Да вот еще! Твоя невеста, ты и ищи ее сам!

— Мошенницы! Я деньги платил! — побагровев, взвыл женишок. — Отдайте невесту, или деньги верните!

И они снова сцепились, дергая друг друга за волосы и дубася кулаками.

Гномы — они любят подраться.

Но всего этого я не видела.

И в тот момент, когда Рози колотила Борина, я пересекала Гномью Долину при помощи канатной дороги, глаза на своего нечаянного спасителя.

Когда сердитая гномиха-кондуктор забрала у меня плату за проезд, я снова обернулась к молодому щеголю.

И вытаращилась на него совершенно неприлично.

— А ты отчаянная девчонка, — весело произнес он.

Я выглядела ужасно!

Мало того, что была гномом в данный момент, так еще и перепачкалась, впечатавшись в крышу вагонетки всем телом.

На щеке у меня отпечатался старый сухой лист, катавшийся с вагонеткой черт знает сколько времени.

Да и вообще все лицо было перепачкано многолетней пылью.

— Я испорчу вам ваше прекрасное пальто, — пробормотала я.
Оно было действительно шикарным.
Из хорошего, дорогого материала.
С гладкой, прохладной подкладкой и пушистым меховым воротом.
И пахло от него приятно.
Дорогими мужскими духами.
Юноша нахмурился.

Вынул платок и осторожно, ненавязчиво, вытер мою зашибленную щеку с остатками старого листа.

— Пальто можно будет почистить, — сказал он веско. — А вот у твоей матери, видно, сердца нет. Отправила тебя в путешествие без теплой одежды!

Я покраснела и опустила глаза.

— Она и сама тоже не оделась, — бормотала я. — Видите ли, мы думали, что ненадолго... То есть, дорога из долины совсем недолгая...

И я замолкла, совершенно запутавшись.

И смутившись от близости этого молодого красавца.

— Мастер Кит, вы такой силач! — меж тем восторженно заквохтали мои соседки по вагонетке. — Втащить такую толстуху одним махом! Ах, вы самый смелый молодой человек, которого мы только видели!

— Да что вы такое говорите, — рассмеялся красавчик. — Никакая она не толстуха! И смелая тут она. Хотя, конечно, риск неоправданный.

Но гномихи имели на мой счет иное мнение.

— Толстая, толстая! — кричали они наперебой, кривя губы. — Как кубышка!

— Столько лопают, что на шубу не хватило денег! — гомонили вторые.

— Все проела! — издевательски хихикали третьи.

Я покраснела.

Раз в жизни оказываешься перед красивым юношей, и в таком неприглядном виде!

Еще и толщина...

Я честно хотела быть похожей на Розы. Вот магическая иллюзия меня и разнесла вширь.

— Да бросьте, — небрежно ответил мой спаситель. — Конечно, она одета неброско, но... в некотором роде... элегантно. Как эльф.

— Как эльф? — вырвалось у меня при звуке знакомого слова. — А что это за существа такие?

Гномихи снова расхохотались. Неприятно. Стыд так и обжег мои щеки.

— Из какой глухой деревни вы вылезла! — верещали насмешницы. — Про эльфов даже не слышала!

Мой спаситель улыбался мягко. Но мне показалось, что он смотрит на меня снисходительно, сверху вниз, как на дурочку какую-то!

А это не очень-то приятно!

Особенно если ты никак не можешь это исправить.

Показать свои знания. Знаний-то нет!

— Она, наверное, из Долины, — вытаращив глаза, радостно продолжали гномихи. — В долине все нелюдимые!

— Темные! — поддакнула вторая.

— Сидят в своем углу и мира не видели!

Интересно, сколько мира видела эта курносая задавака?!

— Не обращай на них внимания, — мягко произнес юноша. — Болтушки...

— А вы, — бухнула я, не раздумывая, — эльф?

Гномихи снова закатились в хохоте. Как куры заквохтали...

— Эльф?! — верещали они. — Эльф!

— Что? — удивился юноша. — Эльф? Я? Нет, конечно. Я...

Тут он замялся и опустил взгляд. А когда поднял... меня словно огонь охватил от сверкающей красоты его глаз!

— Я человек, — очень мягко произнес он.

Человек... я, выходит, тоже? Раз похожа на него больше, чем на гномов?

Почему же тогда Роза сказала, что мое наследство эльфийское?

А мне трудно дышать от его присутствия рядом!

Все так и печет! Словно я увидела магический артефакт и меня влечет его взять, коснуться.

Даже если у меня рука отсохнет!

— И немного демон, — продолжил юноша.

— Немного?! — возмутились неугомонные гномихи.

— Наполовину! — кричали они.

— На большую половину! — в восторге вторили гномихи.

— Инкуб, — сообщил мне молодой человек и ослепительно улыбнулся.

Я чуть в обморок не упала, попутно соображая, что же такое демон и тем более инкуб.

— Никогда не видела никого кроме гномов? — уточнил он, продолжая так же маняще и волшебным образом улыбаться.

Я ощутила непреодолимое желание тотчас повиснуть у него на шее и поцеловать...

Надо только привстать на цыпочки...

Обнять его...

Потянуться всем телом...

Запустить пальцы в его волосы, наклонить к себе его голову, и...

— Нет, не видела, — страшивая себя магическое оцепенение, ответила я. — А вы ловко колдуете, мастер...

— Кит, — представился он.

— А я совсем не умею, — ловко избегая момента, в который я должна произнести ему свое имя в ответ. Врать, называясь Роза, я не хотела. Рот как на замок заперли. Я начинала пыктеть и раздуваться, когда язык поворачивался, чтоб назвать имя сводной сестры вместо моего. — Во мне магии нет совсем. Нет такого дара.

Гномихи снова разразились хохотом.

— Магия — это не дар, — мягко ответил Кит, вынимая из-за пазухи причудливый старинный ключ с зелеными камешками. — Магия — это умение, которое каждый отпирает своим ключом. И которым потом управляет при помощи заклятий. С магией просто надо уметь общаться и направлять ее.

Ах, вот как...

Кит говорил со мной дружелюбно.

Но чем больше мы беседовали, тем тупее я себя чувствовала.

А гномихи просто умирали со смеху от моего невежества.

И я чувствовала раздражение все сильнее и сильнее.

О, я злилась на Кита!

За то, что он такой красивый и нарядный.

За то, что он такой всезнайка. За то, что он меня окунает раз за разом физиономией в мою неосведомленность.

Я же не виновата, что меня надолго заперли в Долине! И ничего не рассказывали об окружающем меня мире!

Меж тем явно что-то происходило.

Я слышала, как нечто на крыше кабинки царапает и пощелкивает.

Словно большая птица присела съесть свою добычу.

И свой ключ красавчик Кит вынул не для того, чтоб мне показать.

Он услышал это пощелкивание, верно, уже давно.

Но продолжал болтать, как ни в чем не бывало.

— Пригнитесь! — вдруг прокричал он.

Гномихи с визгами попадали на пол. И я свалилась сверху на них.

Кит взмахнул ключом. Богом клянусь — я слышала, как ключ щелкнул, отпирая магию!

Я ожидала вспышек огня, грома и молний.

Но вместо этого... появились бинты!

И быстро-быстро изнутри забинтовали всю кабинку. Все стены. Заткали все окна, чтоб не было видно, кто находится внутри.

Замирая в ужасе, я видела сквозь бинты какую-то темную тень.

Неизвестное злое существо осторожно ползло по качающейся и скрипящей кабине.

И его огромные когти прокалывали металлические стенки, как ножи — консервную банку с тушенкой из кабана.

— Это за ней монстр пришел! — со слезами выкрикнула одна из гномих. И толкнула меня так, что я сползла с дружной кучи единомышленниц. — Давайте ее отдадим чудовищу, и оно уйдет!

— Спокойно, — жестко ответил Кит, прислушиваясь к скрежету над головой. — Никого отдавать мы не будем!

**

Я так и обмерла.

Это кого же вслед за мной послал злобный Борин?!

Дракона, что ли, где откопал?! Вот же злобный толстяк!

Жуткие когти с хрустом прокалывали металлическую крышу.

Кабинка раскачивалась.

Гномихи визжали.

Кондукторша прижимала к груди сумку с монетами, чтоб не сперли в суматохе.

— Поди прочь, нечисть! — орала она. — Не смей ломать мою кабину! И денег моих ты не получишь!

А одна из гномих — ты, что громче всех вздыхала, засматриваясь на красивое лицо Кита, — вдруг прекратила визжать и кинулась ко мне.

Она ухватила меня за руку со злобой.

Кит обернулся к нам спиной, продолжая заматывать своими бинтами кабину.

А эта злыдня рванула тонкую нитчатую ткань на окне и толкнула меня лицом в образовавшуюся прореху.

— Вот она! Бери ее и уходи! — со страхом закричала она.

За пыльным стеклом кабинки я увидела нечто.

Серая морщинистая кожа.

Редкие то ли чешуйки, то ли костные пластинки.

И серо-зеленый глаз, уставившийся на меня с таким же страхом, с каким я глядела на него.

— А-а-а-а! — заверещала я, отпрянув от окна.

— А-а-а-а! — взвыло за стеклом.

— А-а-а-ы-ы-ы-а-а! — как по команде, экзальтированно завывали гномихи, забиваясь в угол.

Кабинка накренилась, и нас с Китом пришлось перебраться на противоположную сторону. Поближе к монстру.

Чтобы уравновесить наш транспорт.

— Кто разрешил открывать окно?! — яростно выкрикнул Кит. — Я же нарочно все закрыл!

Ох, как он был зол!

Думаю, он и пинка бы выписал гномихе, осмелившейся его послушаться, если б не был джентльменом.

Но вместо этого он только щелкнул своим ключом, и испуганный глаз чудовища снова исчез за плотным слоем бинтов.

— Мне не нужны проблемы! — злобно завизжала гномиха, подставившая меня. — Я твердо намерена попасть в Академию и там получить хорошую работу! А не влипать в истории из-за какой-то тупой деревенской девки! Это чудовище вслед за ней прыгнуло на крышу! Точно говорю! Мы-то садились сюда, когда никакого чудовища не было! Значит, оно ее догоняет! Выкинуть ее на мороз, за борт, и дело с концом!

Ох ничего себе, кровожадная какая!

— Боюсь, — с трудом переведа дух, ответил Кит, — что вам в Академии будут не очень рады, мисс Спун.

— Это отчего это?! — подбоченясь, выкрикнула гномиха.

— Потому что в Академии не принято прятаться за спинами друзей! И избавляться от проблем таким образом — тем более!

— А она мне не подруга! — горячо заспорила гномиха. — Она мне вообще никто! И она мошенница! Мошенницам не место в приличном обществе! Посмотри, — она резко дернула меня за полу. — Видал, чтоб такую рвань брали в Академию?!

Кит осмотрел мою одежду еще разок.

И по губам его скользнула улыбка.

— Видал, — ответил он. — В свое время я явился в Академию в еще большем рванье. Академия-то Голодранцев. Так что эта девушка тут очень к месту.

Но моя недоброжелательница не унималась.

Да что я ей сделала такого, за что она на меня взъелась?!

Ревнует к Киту, что ли? Уж больно громко она вздыхала, глядя в его красивое лицо.

— Она врет, врет! — верещала гномиха. — Ни один порядочный гном не явится в таком рванье, не явится наниматься на работу! Рваный — значит, никчемный работник! Не может себе даже на юбку заработать!

А вот тут она права.

Сердце мое отчаянно колотилось.

Кит перевел взгляд на меня и с любопытством спросил:

— Так ты не на работу едешь в Академию?

Я молчала.

Ну, не могла я ему соврать!

Да и вообще, врать не любила!

— Я говорила! — торжествовала гномиха, не дождавшись моего ответа. — Самозванка! Мошенница! Побирושка!

— Так зачем же ты едешь в Академию? — мягко спросил у меня Кит.

Его взгляд меня завораживал.

Ох, как захотелось заплакать и расколоться!

Покаяться и пожаловаться на свою судьбу!

Но я упрямо сжала зубы.

И слезы высохли на моих глазах, испуганные моей решимостью.

— Мастер Леонидас, — выкрикнула я, — сказал, что с уважением и без вопросов примет любого, кто явится из нашего дома! Так что неважно, как я одета!

Это ведь была правда, не так ли?

Рози об этом упомянула. А я тоже из того дома, куда пришло это письмо с приглашением в Академию!

Так что тут Леонидас — кем бы он ни был, — сам попался в ловушку из своих слов!

Кит удивленно вскинул подбородок.

Так, словно я начала ножиком махать у него перед носом.

— Ах, даже вот как, — протянул он. — Если Леонидас такое сказал, значит, у него есть свои причины так говорить.

— Студентка? — выкрикнула одна из гномих.

— Студентка! — с ненавистью прошипела моя недоброжелательница.

— Именно! — дерзко выкрикнула я, обретая уверенность.

Все-таки, я заняла место Рози.

А Рози ведь собиралась учиться на гнома-зельевара, не так ли?

— Тогда добро пожаловать! — галантно произнес Кит.

В этот миг кабинку потряс еще один удар.

Монстр, про которого мы в пылу спора позабыли, снова зашевелился на крыше.

— Допи! Бей его! — завопили гномихи в один голос.

После этого клича из-под кучи-малы из тел перепуганных гномих выбрался шустрый малый.

Гном-мальчишка, у которого и борода-то еще не растет!

Только рыжие лохматые бакенбарды, которые он наверняка перед сном расчесывал и мазал маслом для роста волос.

Ишь, как блестят... Словно золото.

— Рогатина в углу! — зло буркнула кондукторша. — Ну, чего глазами хлопаешь? Нанижи-ка этого урода на рога!

Я с удивлением вытаращила глаза на нее.

— Что? — желчно ответила она, заметив мой взгляд. — А как мне прикажете бороться с безбилетниками? В моей профессии всякое бывает!

Гном-мальчишка послушно ухватил рогатину и наставил ее темную тень, ползающую по стенкам раскачивающейся кабинки.

Еще миг — и он безжалостно ткнул бы монстра под ребра.

У гномов рука тяжела; и пусть рогатину держал мальчишка — его сопернику явно не поздоровилось бы.

Только я вдруг вспомнила вытаращенный перепуганный глаз этого чудища.

И мне стало его до ужаса жаль.

Ну, не может такое напуганное и растерянное существо желать зла другим!

— Стой! — заверещала я, ухватив рогатину и повиснув на ней.

Ухватила поздновато.

Мальчишка уже успел пару шагов проделать, и еще шаг — со мной, висящей на его рогатине.

Меня впечатало в бинты, и я с ужасом почувствовала, что вишу на них над пропастью.

За моей спиной была дверь.

Одно неловкое движение, рогатина вспорет тонкую сыплющуюся нитчатую ткань, а я полечу вниз.

Какая нелепая смерть...

Ужас.

Тем более, что я заступаюсь за неизвестного мне монстра!

— С ума сошла, девчонка! — рявкнул гном, покраснев. Он осторожно, как испеченный каравай на лопате, снял меня с бинтов, и я сердито отряхнулась, приходя в себя.

— Это что, твой домашний питомец? — удивился Кит.

— Разумеется, нет! — сердито ответила я. — Но он не злодей, он сам боится! Он очень боится! Не меньше нашего!

— Вот и поделом ему! — хором загомонили гномихи. — Так ему и надо! Нечего пугать честных гномов! Пусть убирается туда, откуда явился!

— Да он бы и рад, — вскричала я. Догадка забрезжила у меня в голове. — Просто он... не может!

А ведь это чудище мирно дремало на крыше! Может, даже приросло к ней, как какой-нибудь древесный дух к старому дубу!

А я своим прыжком его разбудила!

Свалилась прямо ему на спину!

Наверняка ему было страшно больно.

Проснулся — а тут вот те на. Висишь на волоске посреди канатной дороги.

Может, он давно заснул на этой кабинке.

И спал себе, не подозревая даже, что путешествует над пропастью.

Я больше ничего не объясняла.

Шагнула к бинтам и отогнула краешек.

— Эй, ты тут? — нерешительно позвала я. — Ты где? Покажись.

В дырку тотчас глянул перепуганный глаз.

— Мне страшно, — доверительно сообщил монстр. — Я высоты боюсь.

— А нечего было бесплатно кататься на моей кабинке! — проорала сердитая кондукторша. — Плати за проезд, или катись к лешему! Мальчишка, чего встал?! Сталкивай его прочь! Боится, не боится, монстр, не монстр — а он нарушитель! Всю кабинку мне изорвал когтями!

— Но он же упадет и разобьется! — ужаснулась я.

— Так ему и надо! — желчно выкрикнула гномиха.

— Не надо, — испуганно ответил монстр. — Я не виноват. Я тут жил, вообще-то. Это вы мой дом приспособили для поездок, а не я вторгся в вашу кабинку. Так что компенсируйте мне неудобства! И если сильно хочется, можете покидать в пропасть своих пассажиров.

— Они заплатили! — желчно ответила гномиха.

— Мне — нет, — возразил монстр.

— Ну все, достаточно! — перебил спорщиков Кит. — Никого в пропасть мы кидать не станем! Нам надо поскорее добраться до Академии и там разобраться, как быть дальше.

— Премного благодарен, — миролюбиво ответил монстр. — А вы не могли бы одолжить мне немного ваших бинтов? Я примотаюсь к крыше. А то у меня кружится голова, и, боюсь, я не досижу до конца поездки смирно.

— Да? И что же ты сделаешь? — выкрикнула гномиха-кондуктор.

— Влезу внутрь, — доверительно сообщил монстр. — Я это и хотел сделать. Внутри не так опасно, как на крыше под порывами ледяного ветра.

— Еще чего! — вскричала кондукторша. — Тут, между прочим, девочки!

— Ты нам противен! — заверещала мисс Спун, моя недоброжелательница.

— Ты жуткий, — поддакнула вторая гномиха.

— Ты голый и скользкий! — подтвердила третья. Надо же, рассмотрели! — Голым нет места! Это вообще неприлично!

— Таким, как ты, нет места в нашем обществе! — раздувая пышные красные щеки, подвела итог четвертая.

У меня даже в глазах от слез защипало.

Всю мою жизнь гномы говорили мне, что я не такая.

Не такая, как они.

А значит, негодная, уродливая и никчемная.

У меня тонкие руки и ноги, хрупкое тело. У меня светлая кожа и светлые волосы.

Слишком маленький нос, крохотный рот.

Все не так!

А значит, по меркам номов, я уродлива.

И мне бы лучше не попадаться на глаза соседям. А то стыдно.

Теперь все это слышала в адрес другого существа.

— Да как же вы так можете?! — воскликнула я. — Травить беднягу только за то, что он некрасив?! Он же совсем не злобный! Ничего плохого никому из вас не сделал!

— Подумаешь, — выкрикнула Спун. — Монстра пожалела!

— Ему не только страшно там, наверху, но еще и холодно, — заметила я. — Если он голый.

— Еще как холодно, — подтвердил монстр. — Но я не жалуюсь!

— Вот лезь к нему и согрей его, — ехидно ответила Спун.

— Отличная идея! — в тон ей ответила я. Так же ехидно, по-гноми. — Согрей! Мастер Кит, — я обернулась к молодому человеку. — Ваших бинтов хватит на то, чтобы замотать беднягу с ног до головы?

— Думаю, да, — весело ответил Кит.

— Зачем это? — насторожилась Спун.

— Тогда он будет одет, спустится сюда и поедет с нами!

— Еще чего! — возмутилась гномиха. — Здесь? Со мной? Какая-то неведомая тварь?!

— Если вам не по душе это соседство, можете вылезти наружу, — ядовито ответила я. — На крышу!

— А кто мне заплатит за еще одного пассажира? — сварливо поинтересовалась гномиха-кондуктор.

— Три медяка — невелика плата, — весело ответил Кит и кинул гномихе ее пяточки. Которые она ловко поймала своей сумкой. — Теперь он полноценный пассажир и имеет такие же права, как вы, мисс Спун. Итак, вы готовы, господин монстр?

— Я давно ко всему готов, — отозвался монстр. — Мотайте, сударь!

Кит снова звонко щелкнул ключом, отпирая магию.

Бинты так и брызнули в разные стороны, поползли в щели и дальше — на крышу.

Кабинка снова закачалась, послышалась какая-то возня.

— Еще правую ногу, сударь, — вежливо попросил монстр Кита. — Э-э-э... немного выше бедра, если вы понимаете, о чем я. Все-таки, здесь дамы.

Вскоре все стихло, и когтистые пальцы, замотанные чуть недо самых кончиков, осторожно раздвинули бинты на входе.

— Тук-тук, — вежливо сказал монстр. — Можно?

— Да заходи уже, чего теперь, — сварливо ответила кондукторша.

Бинты расплелись и исчезли.

А в кабинку вкатился какой-то белый колобок, здорово похожий на свежую мумию.

На его лице сверкали печальные зеленые глаза, на голове возвышались рога, тоже заботливо замотанные бинтами.

— Уродище какое! — зло прошептала Спун.

Меж тем новоявленная «мумия», беспокойно обшаривая образованные бинтами плотные трусики, церемонно поклонилась мне, затем Киту.

— Благодарю за заступничество и заботу, — интеллигентно сказал он. — Ну, а теперь я вас всех съем.

— Что?! — завопили все гномы разом.

А Кит так и покатился со смеху.

— Зачем вы их пугаете?! — удивилась я.

— Извините, не мог сдержаться, — ответил монстр. — Немного накопело за время нашей перепалки, знаете ли... Да и специализация у меня соответствующая...

— Вы пугаете людей? Вот как? — вежливо поинтересовался Кит.

— Я подкроватный монстр, — вежливо сообщила наша «мумия».

— Я так и знала, что он гадкий, гадкий! — проорала неугомонная Спун.

Монстр с достоинством глянул на нее своими печальными зелеными глазами.

— Вам совершенно не о чем волноваться, — произнес он. — Вам совершенно ничего не грозит. Я устраиваюсь под кроватями только приличных людей.

— Ах, так! — вскипела Спун. Ума, чтоб распознать это завуалированное оскорбление, у нее хватило.

— Однако, интересная специализация, — заметил Кит, пытаясь великосветской беседой разрядит обстановку.

— Да, очень, — подтвердил монстр.

— Думаю, вы расскажете мне о ней поподробнее, — предложил Кит, засучивая рукава.

— А пока давайте ускорим процесс спуска вниз!

— С превеликим удовольствием, — с достоинством ответил замотанный монстр.

И они с Китом направились к механизму с рукояткой.

Оба за нее взялись, закрутили.

Кабинка дрогнула и заскользила по канатам шустрее.

А я перевела дух.

Это я еще в Академию не попала! А что же за бедлам творится там?!

— Можешь даже не строить глазки мастеру Киту! — оправившись от испуга, Спун пристроилась рядом со мной. Она внимательно оглядела меня прищуренными хитрыми глазками и неприятно ухмыльнулась. — Он, конечно, славный. Но это же Белый Принц Академии! Так что тебе ничего не светит. Абсолютно!

— Я и не собиралась никому строить глазки! — возмутилась я.

— Признайся: ты заступилась за этого мерзкого слизняка чтобы мастер Кит считал тебя добренькой и хорошенькой?!

— Я заступилась за подкроватного, потому что мне его было жаль, — отрезала я. — Я на самом деле добренькая и хорошенькая! Мне притворяться не нужно! А почему Кит — Принц?

— Вот, вот! Уже копаешься в его жизни?

— Но ты первая начала мне рассказывать о нем! И мне стало просто интересно. Так почему?

Спун прижала пухлые ладошки к груди.

— Это потом, — с придыханием ответила она, — что он невероятно богат! Очень, очень знатный род! И куча, куча золота на счету и камней в подвале его замка!

Видимо, наличие драгоценных камней в подвале нравилось неумной гномихе в Ките больше всего.

Я прямо-таки увидела бриллиантовый отблеск в ее глазах, когда она говорила про подвал.

— А почему Белый? — я снова оглядела Кита.

Ничего белого, кроме сорочки, в его внешнем виде не было.

— Потому что он ХОРОШИЙ! — с придыханием ответила гномиха. Ее взгляд снова стал мечтательным. — Он очень хороший! Он никогда не обидит и не ударит. И подарит подарок на именины. И поддержит!

Странно, что она ценит эти качества в предмете своих воздыхай, а в себе их развивать не хочет...

— В общем, он тебе не ровня, голодранка, — завершила свою речь Спун. — И, как ты не старайся, а он на тебя не посмотрит. Тем более, он уже заклеил тебя как эльфа, хе-хе!

— Почему заклеил? — удивилась я. — Эльфы что, дурные создания?

— Как сказать, как сказать, — ядовито ответила гномиха. — Вроде, и не дурны. Только вот эльф у мастера Кита девушку увел. И с тех пор Мастер Кит сторонится таких вот лопоухих хитрецов. А раз назвал тебя элегантной, как эльф — значит, будет обходить десятой дорогой!

Спун так и сияла, довольная своими выводами.

А я лишь пожала плечами.

Кабинка, приводимая в движение рукояткой, добралась до земли быстро. Притом я ожидала, что она опустится в нашей долине.

Но вместо привычных гномьих домов я обнаружила быстро приближающиеся вершины леса и местность, которую мы звали Барсучьими Норами.

Ходить там было опасно.

Говорят, гномы там исчезали. Как сквозь землю проваливались.

Я и пискнуть не успела о своих знаниях, как кабинка наша с грохотом и свистом влетела в одну из таких нор и стало темно.

— Пожалуй, откланяюсь, — раздался из мрака вежливый голос монстра.

Его зеленые глаза обернулись ко мне и ярко вспыхнули, как звезды на весеннем небе.

А потом погасли. И стало ясно, что он каким-то образом из кабинки исчез.

А мы вылетели из туннеля, и впереди я увидела сад, а за ним до самого неба возвышался прекрасный и грозный замок!

— Почти прибыли, — весело сказал Кит, отпуская рукоять.

Он поспешно привел в порядок одежду, одернул красивый жилет и пригладил шелковый галстук.

Нехотя я вернула ему пальто.

Под ним было тепло!

А теперь ветер снова обхватил меня ледяными ладонями за плечи.

Юный гном покосился на меня осуждающе. Нельзя же отправляться в пути настолько легкомысленно одетой!

Но смолчал.

В отличие от меня, он-то был наряжен в новый полушубок.

Да еще и перетянут серой лохматой шалью, крест на крест стягивающей грудь и стянутой узлом на спине.

— Ты вот что, — пробормотал он, колупая пальцами этот узел. — Ты возьми-ка мою шаль.

И чуть тише, так, чтобы не услышал никто, кроме меня, добавил:

— И одну вязанку хвороста возьми. Как будто ты с нами. Ну, работница.

Я быстро глянула на него.

Его маленькие гномьи глазки были чрезвычайно внимательными и смотрели так остро!..

Словно он догадывался, что я-таки попала сюда обманом.

Мальчишка мигом закатал меня в свою лохматую шаль.

На голову нахлобучил свою шапку-ушанку с весело торчащим вверх ухом.

Сразу стало теплее.

А с вязанкой хвороста на плечах я и вовсе была неотличима от прочих гномов.

Кабинка все медленней скользила по канатной дороге.

Канат теперь был не обычный, волосяной, а сплетенный из тонкой железной проволоки.

И чем ближе были ворота в сад, засыпанный снегом, тем отчетливее я видела стражей Академии.

Ох, уж эта Роза!

Все-то она продумала!

А как миновать их, тоже?!
Это были две статуи, словно сотканный из затвердевшего воздуха.
Или из самого чистого горного хрусталя.
Ну, или из льда самого прозрачного горного озера.
Сквозь них был виден замок и лесок за ним.
А они, прозрачные и огромные, стояли, замерши, словно подкарауливали нарушителя.
И в руках их были остро отточенные мечи!
— Роз-зи... — раздалось у меня над головой.
Словно горный обвал в горах!
Я так и присела!
Они ее поджидали!
На ее имя приглашение-то выписано!
Ответить я им не смогла.
Язык не повернулся обманывать этих стражей и присваивать чужое имя!
А ну как они поймут, что я вру?
Вжик — и голова с плеч!
Ну, уж нет. Лучше помолчу.
— Роз-зи, — снова позвали они страшными голосами.
Кит с интересом оглянулся на меня.
Он-то понял, что стражи проверяют пассажиров. И подзывают студентку с таким именем.
— Ну, чего молчишь? — произнес он. — Отзовись им. Или они не пропустят.
Не пропустят?!
Хорошенькое дело!
Эти двое угрожающе подняли мечи, сверкнувшие на солнце ледяным блеском.
Они что, нарушителей пришибают, как мышей?!
Вскроют кабинку, как консервную банку ножами?
Ну, Роз-зи!.. Все она продумала!
Ледяные мечи были все выше.
Я смотрела на них, как замороженная.
Видела, что они заточены остро, как бритва!
И понимала, что сейчас они опустятся на кабинку, сомнут ее, как пустую картонку. И меня сплющат вместе с ней!
— Ну же! Отзовись! — прокричал Кит, уже нервничая.
— Тупица, раскрывай свой рот и отвечай им: «Я здесь!» — вопили гномихи. — Понабегут дур за золото! А они даже на простой вопрос ответит не могут!
— Я не хочу умирать! — взвыла паровой трубой Спун. — Выкинем ее в окно, пока не поздно!
Но даже угроза смерти не заставила меня присвоить чужое имя.
Язык словно прилип к небу.
И я лишь таращилась на грозное оружие, занесенное надо мной, и молчала.
— Кегворт! — прорычали рыцари, уже замахиваясь.
Видно, терпение их иссякло. Пора было переходить к решительным действиям!
А вот это уже другое дело.
Кегворт — это фамилия.
Фамилия и Роз-зи, и мачехи, и моя. Ведь я-то выросла в их доме, и принадлежу к их семье!
Значит, и фамилия моя.
— Здесь, здесь! — заверещала я что есть мочи.
Самую последнюю минуту!
Потому что ледяные мечи уже летели на кабинку!

И скрестились с грохотом и скрежетом над крышей, да так, что кабинку тряхнуло!

— Что за глупое поведение? — сердито вскричал Кит, отряхивая с плеч ледяную крошку. Видно, от столкновения мечи здорово пострадали.

Булыжниками изо льда завалило всю крышу. Сквозь проколотые монстром дырки на нас сыпался снег.

— Зачем было испытывать их терпение? — не унимался Кит. — Это тебе не поселковые ухажеры! Стражам надо отвечать четко и быстро! Глупая девчонка! Из-за твоего кокетства у нас могли быть огромные проблемы!

— Она вообще доставила нам слишком много проблем, как появилась! — зло гундела Спун.

— Кокетства?! — разозлилась я. — Можно подумать, я каждый день встречаюсь со злыми мужиками с огромными тесаками! И точно знаю, как себя надо вести!

Кит уничтожающе смотрел на меня и сопел, как медведь.

Сердито.

— Но имя-то свое ты каждый день слышишь, — процедил он. — Или и на него ты отзы-ваешься только после подзатыльника?

— Что?! — вскипела я. — Подзатыльник?! А ну, попробуй, тронь!

Хорош же «Белый Принц»! Да он та еще язва! Хамлю!

Гномихи противно хихикали, радуясь нашему разладу.

— Послушай, — в который раз переведя дух и взяв себя в руки, произнес Кит. — Ты, конечно, добрая и хорошая девушка...

«Добрая и хорошая»?!

А произнес это как: «Ты порядочный кусок сама знаешь чего!».

— Но этого маловато, чтоб учиться в академии, — продолжил он. — Тут нужно быстро соображать. Отвечать быстро и прямо. И позабыть о поселковых жеманстве и кокетстве. Это гномиха-мать тебя научила, что сначала нужно показать свою скромность, потупив глазки? Так вот это плохое качество.

— Да не тупила я глазки! — вспылила я.

Кит покачал головой.

— Твое поселковое воспитание и образование просто чудовищно, — подвел итог он.

— Что ты прицепился к моему поселку? — разозлилась я. — Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты! Сам-то столичное светило, что ли?!

— Не столичное, — тихо, быстро и зло ответил Кит. — Можно сказать, мне повезло меньше, чем тебе. Семьи я своей не знал. Рос чуть ли не под забором. Но в твои годы я уже знал, чего хочу, и стремился к тому. Сам. И был куда образованнее тебя.

Я судорожно сглотнула.

От обиды глаза защипало.

Мне-то повезло?!

Повезло, что меня, новорожденную, кинули в незабудки, где и отыскал меня дед-гном?

Повезло, что всю жизнь меня шпыняют и гоняют, как прислугу?

Повезло, что каждый в доме волен распоряжаться и приказывать?

Ничего обо мне не знает, а уже выписал мне диагноз!

— А ты живешь в уважаемом доме, — продолжил Кит беспощадно, — а не знаешь самых элементарных вещей! Узнать которые у тебя уж точно были возможности. Но, видимо, не было желания?

— Что-о-о?! — вскричала я. — Ты сейчас лентяйкой меня обозвал, что ли?!

Кит лишь кивнул.

Его прекрасные карие глаза сейчас сверкали холодно, отталкивающе.

И мне сильно-сильно захотелось вклепить ему пощечину.

— Так может, гномихи правы? — продолжил он. — Они-то свой народец знают, как облушенный. Может, ты действительно ленива? Оттого и наряд твой не новый и не чистый. Может, тебе прямо сейчас повернуть обратно, домой? Лентяям не место в академии.

От его едких слов у меня даже слезы просохли.

— Послушай-ка сюда, господин Шелковые Штанишки! — выкрикнула я звонко. — Своими ярлычками будешь обклеивать бутылки с лекарствами! А меня не тронь! Место мне тут или нет — не тебе решать, понял?!

— Понял, — сухо ответил Кит. Лицо его из улыбчивого и приятного стало холодным, чужим. — Но и ты запомни, мисс эльфийка из гномьего поселка: помощи у меня не проси. Никогда.

— Ой-ой-ой! Да не больно-то и хотелось! — усмехнулась я. — Можно подумать, на тебе вся Академия держится?! Ты тут один такой незаменимый и важный? Думаешь, кроме тебя не с кем дружить? А не слишком ли ты высокого о себе мнения? Эгоист и нарцисс!

Вот и поговорили...

— Так его! — в совершенном восторге вопили гномихи.

Кажется, им было все равно, кого лупить.

Даже словами.

— Ну всей, уймись.

Юный гном оттянул меня от Кита за узелок из шали.

А то бы мы точно передрались.

Кабинка меж тем достигла земли.

И Кит выскочил из нее, как ошпаренный.

И помчался к зданию академии.

— Эй! — завопила ему вслед кондукторша. — А кто мне заплатит за поврежденную кабинку?! Кто чинить будет, говорю?!

Но ответа она не получила.

Вслед за ним потянулись и гномихи, возбуждено обсуждающие нашу перепалку.

Они уже напрочь позабыли, что ледяные стражники могли вместе со мной зарубить и их.

И радостно перебирали все нелестные эпитеты, которыми я угостила Кита — человека, который о них беспокоился и переживал.

Юный гном помог мне взвалить на плечи вязанку с хворостом и поправил шапку.

Пытливо глянул в лицо.

— Почему ты не призналась ему, — вдруг сказал он, — что имя Розы не твое?

— А?!

Я с ужасом воззрилась на него.

— Ну, это же не твое имя, — повторил он терпеливо. — Фамилия да, твоя. Ты из одного дома с Розы. Поэтому ты на нее отозвалась. А имя-то нет. Почему ты не сказала об этом? Мастер Кит тогда бы иначе на тебя смотрел. И не обзывал бы лентяйкой.

— А ты очень проницателен, — шмыгнула я носом.

Красные башмаки утопали в рыхлом свежем снегу. Его тут навалило немало, и брести по нему было то еще мучение.

Я мгновенно продрогла до костей. Пальцы мои в нарядных башмаках просто смерзлись!

— Подменяешь сестру? Это ей неохота учиться? — меж тем допытывался гном.

— О-о-о! Вот ты приставала, Допи! — простонала я.

Он обиженно выпятил губу.

— Почему ты всех отталкиваешь от себя? — спросил он. — Все-таки, прав мастер Кит. Есть в тебя что-то высокомерное, эльфийское...

— Допи! — воскликнула я, выбившись из сил и останавливаясь. — Ну, ты-то не будь занудой! Это не моя тайна! Я не могу тебе всего рассказать, понимаешь?

— Можешь, — возразил приставучий гном. — И если расскажешь, то я тебе помогу советом.

Я лишь вздохнула.

— Хорошо, — ответила я. — Скажу. Я тут на несколько дней. На три-четыре. Подменяю сестру Розы на перекличке. И подпишу за контракт. Потом она сюда придет, и я...

— Но ты не сможешь потом все вот так бросить, — вдруг заявил гном.

— Почему это? — насторожилась я.

— Потому что в контракте есть пункт «служить академии». Конечно, держать тебя никто не будет, если захочешь уйти. Но и удрать, подмениться по-тихому не получится.

— Оу...

— Если ты выдашь себя за студентку, тебе выдадут форму и поселят в комнате. Будут тебя звать на занятия и искать тебя по всей академии, если ты вдруг куда пропадешь.

— Оу!

— Значит, тебе надо спрятаться куда-нибудь, — подвел итог Допи, почесав в голове. — Понимаешь? Подписать контракт, наверное, от ее имени можно. Но вселиться в комнату и ходить учиться должна будет она. Не ты. Потому что тут может выдать подмену любая вещь. Даже перо, которым ты пишешь. И тогда вам обоим нагорит — и тебе, и ей, — за обман.

Вот это поворот!

Я так и встала, едва не рыдая.

Столько мучений и опасностей, и все зря!

Продумала она все, эта Розы!

Ленивая, тупая, безмозглая гномиха!

— Куда же мне деться, — простонала я.

— Для начала к мисс Кетчхим, — ответил гном. — Она тут заправляет всем. Все работники в ее подчинении. Вот если б у нее попросить приюта... Она-то вольна своих помощников гнать в три шеи, когда ей вздумается. Не понравишься ей — и она мигом выпишет тебе билет на фуникулер! Понимаешь?

— А где ее найти? — слабо прошептала я.

— Кого это вы тут искать собрались? — раздался неприятный голос у меня за спиной.

Я обернулась.

Передо мной стояла старая гномиха в потрепанной шляпе, в синем платье и в развевающемся плаще.

У нее было крайне неприятное, желчное лицо и алый от жирной помады рот.

— Вас, мисс Кетчхим, — угодливо ответил гном.

Гномиха оглядела меня с ног до головы, выхватила из кармана помаду и яростно нанесла еще один слой на свои блестящие губы.

— Это что, новая работница?! — вскричала она. — Нет, нет, и нет! Домой сейчас же!

У нас так и втянулись лица.

— Что?! Почему?! — закричала я.

— Явилась на работу в бальных туфлях?! — она яростно ткнула в мои красны башмаки пальцем. — Отморозишь пальцы, а я отвечай?! А где твоя шуба? И варежки? Или ты думаешь, что сможешь весь день разгуливать по лесу в платье?!

— Но...

— Домой! Немедля! Сейчас же!

— Но кабинка сломана, — вступился за меня Допи.

— А я ужас как замерзла! — закричала я. — Я не выдержу обратной дороги, я замерзну насмерть!

— Раньше об этом надо было думать! — желчно ответила гномиха. Но мои доводы вроде как показались ей весомыми. И она немного остыла. — Ты вот что... иди-ка в мой дом. Попей

там горячего чаю. Можешь взять ложечку меда из буфета. Я задам всем работу и придумаю, что с тобой делать. Ну, живо! Шевелись!

Она снова затрясла головой неодобрительно.

— В бальных туфлях! По снегу! — пробормотала она.

Допи ткнул меня в бок локтем.

— Ну, идем скорее! — прошептал он. — Первую битву ты выиграла. Тут главное — зацепиться!

Я лишь уныло кивнула головой.

Зацепиться!

Как же цепляться, если никого знакомого в Академии у меня нет?..

Глава 3. Убежище

В доме гномихи было тепло, тихо и сыро.

Как и полагается любому приличному гномьему дому.

Я спустилась на минус третий этаж и без труда нашла кухню. Гномы на удивление одинаково мыслят. Даже когда строят дома.

Там я отыскала и буфет, и горячий чайник, полный кипятка, и чашку, и обещанный мед.

Быстро заварила себе чай и уселась прямо в темный угол, на принесенную вязанку хвороста.

Об обжигающие бока чашки я грела окоченевшие руки.

А озябшими и промокшими ногами уперлась прямо в стенку печки.

Красные башмаки совсем не годились для того, чтоб в них разгуливали по сугробам.

Они оставались все такими же нарядными, лаковыми, новенькими.

Но ужасно холодными и жёсткими. Неудобными.

Чашка обжигающего чая с барбарисовой кислинкой и ложкой меда показалась мне просто божественным граалем с самым вкусным на свете напитком.

Желудок мой урчал.

И я, заливаясь слезами от голода, холода и усталости, жадно проглотила еще три огромных ложки меда, даже не думая, что я делаю.

Я бы и всю банку опустошила.

Но совесть вовремя проснулась.

И еще кое-кто...

— Кто тут? — рявкнуло вдруг из угла, где были свалены какие-то черные закопченные горшки.

— А-а-а-а! — заверещала я, свалившись с вязанки хвороста и чуть не облившись кипятком.

На мое счастье, барбарисовый чай плеснулся на эти самые горшки.

А те вдруг ожили.

С грохотом запрыгали, разворачиваясь ко мне грубыми преступными рожами!

Злые маленькие глазки, носы картошкой и острые тонкие полупрозрачные зубищи в разинутых до ушей ртах!

Один из них облизнул мясистым языком мокрое обломанное ухо другого горшка и зачмокал.

— О-о-о, — потянул он скрипучим голосом. — Сладенькое! А еще есть?!

Я так и замерла, будто меня кондрашкахватила!

Что?!

Говорящие горшки?!

Горшки с закопченными черными лицами, живые и мыслящие?!

— Ну, дай попробовать, — заканючили все трое, подпрыгивая на донышках и приближаясь ко мне.

Угрожающе.

— Да берите, — испуганно пробормотала я, протягивая им чашку.

Они запрыгали еще чаще, еще громче громяхая и гремя каменными крышками, елозящими на их пустых головах.

Разинулись жадные красные рты — ам! Ам!

Несмотря на страх, я честно поделила чай на три части и аккуратно влила каждому горшку в рот его порцию.

— Сладенько, — сказал один, облизнувшись.

— Кисленько, — сообщил второй.

— Вкусненько, — отозвался третий.

И они загоготали, захихикали, толкаясь, будто ребятишки, натворившие гадостей.

— А ты кто? — вдруг спросил один из горшков и вытаращил на меня свои маленькие недобрые каменные глазки.

В углу было темновато, и горшки разглядеть меня не смогли.

— Гном, — сказал второй горшок.

— Не похожа, — возразил третий.

Я так и сжалась в комок!

Как это не похожа?!

Я же в красных башмаках! А в красных башмаках все не то, чем кажется!

И похоже на то, на что хочется походить!

Но, похоже, каменные горшки ориентировались в темноте больше по запаху, чем на вид.

Потому что первый принялся шумно и вдруг выдал:

— Пахнет эльфийскими ушами!

— Гоблин? Она гоблин? — загомонили два других.

И захихикали скрипучими ужасными голосами, подталкивая друг дружку.

— Похлебка из эльфийских уше-ей... Ке-ке-ке-ке! Наш человек! — скрипели они, толкаясь.

— Ваш, — дрожащим голосом подтвердила я. Несмотря на дружелюбие странных зубастых горшков, мне было страшновато. — Только я не знаю, кто я. Из какого племени. Гоблин или нет.

— Полукровка, — грубо сказал первый котел. — Что ж, так бывает. Ну, чего сидишь? Налей еще чаю!

А, собственно, почему бы и нет?

Гномиха же не сказала: «Выпей всего одну чашку!»

Да и воды ей, как будто бы, не жаль...

В следующий час мы пили кисловатый чай вприкуску с медом гномихи.

Я заливала горшкам ароматный кисловатый кипяток в разинутые зубастые пасти, и аккуратно совала следом ложку с медом.

И они все с чавканьем пожирали.

И я, сама не заметя как, рассказала им свою нехитрую историю.

Все равно пожаловаться-то мне некому было!

А выговориться было очень охота.

— Так что некуда мне идти, — горько вздохнула я. — Нету у меня больше дома. Сбежала я. А жених просто ужас!

— Гномы тупые, — поддерживая меня, вякнул один из горшков.

— Гномы уродливые, — поддержал его второй, скривив губы.

— Гномы жадные. За гнома замуж лучше не выходить, — проскрипел третий горшок задумчиво. — Куда ж тебе спрятаться?..

— Но, верно, все равно придется выйти, — горько вздохнула я. — Тут-то мне места нет. Я же не студентка. Да и работать мисс Кетчхим меня брать не хочет. Мигом изловят и выдворят. И куда мне деться?..

— В беседку! — крикнул один горшок.

— Они все заняты, — снова проскрипел неприятным голосом задумчивый горшок, облизывая губы, сладкие от меда. — Стоит старшекурсникам покинуть беседку, выпуститься из академии, как мелюзга-первокурсники тотчас ее занимает... Секретики и тайны, эксперименты...

— Можно с кем-то занять беседку. Не одной, — робко предложил первый горшок.

— Ерунда! — зло рявкнул «мыслитель». — Для этого надо учиться в академии и дружить с девчонками! А она прячется. Какая ж тут дружба! Да и холодно там. Так себе дом-то!

— Я знаю! Я знаю! — завопил третий горшок. — Спрячем ее в домике колдуньи!

— Чего?! — удивился второй.

— Там пусто! Это единственное место, ничье в академии! Совсем ничье! Оттуда Академия не имеет права выгонять! Это не Академии дом! И там можно жить! Это не беседка!

— У колдуньи? — уточнил мыслитель. — Чепуха. Дом давно заброшен. Там все разрушено, изломано и испорчено. А сама колдунья — о-о-о, она люто озлится, если там кто-то заведется!

— Не озлится, — возразил первый горшок.

— Она исчезла! — подхватил другой. — Быть может, даже умерла!

— Исчезла, когда Академию заколдовали! Или впала в спячку!

— А дом забросила! И никогда туда не вернется!

— Да все равно, олухи вы такие! — гневно заскрипел горшок-мыслитель. — Там полный хаос! Грязь и обломки! Как там жить девчонке со слабыми ручками?

Но я ухватила за эту мысль, впила в нее.

Ведь все равно идти мне было некуда...

— Отведите меня туда! — в отчаянии заверещала я. — Пусть хаос, пусть грязь! Я уберу все! Отмою! Лишь бы были стены и очаг!

— Оча-аг, — протянул горшок мыслитель зловеще.

— Я наносу дров! Хвороста нарублю! Я разожгу! Лишь бы согреться!

Горшки снова начали толкаться с каменным стуком боками и хихикать, как нашкодившие ребятишки.

— Я первый приду к тебе погреться, когда ты разожжешь очаг! — проскрипел один из них. — Ке-ке-ке-ке!

— Что не так? — удивилась я.

— Вместо дров там зеленые болотные камни, — хихикнул горшок.

— Да мне-то какая разница! Лишь бы горели! — ответила я бесстрашно.

— В этом ты права, — проскрипел горшок как-то странно. — Лишь бы горели...

— Их надо трескать друг об друга! — загомонили два других горшка. — Чтоб искры летели!

— Ну, с этим-то я справлюсь, — храбрясь, сказала я. — Так куда идти?

— Пойдем, проводим ее! — загомонили горшки. — Иди за нами! Не отставай!

И они дружно запрыгали к выходу с гномьей кухни.

— А если вас поймают? — всполошилась я. — Куда собрались-то?! А ну, марш в угол! Или гномиха нас всех пришибет! Надеюсь, скалки ее не говорящие?

Мне почему-то подумалось, что эти странные горшки не вольны распоряжаться собой.

Может, потому что они питомцы гномихи?

Или ее посуда?

Я была бы против, если б с моей кухни удрали погулять сковородки!

Но горшки страшно разозлились.

— Ну ты чо, ты чо ты чо! — орал один, прыгая вокруг меня.

— Какие еще говорящие скалки? Такого не бывает! — возмущался один горшок.

— Ты что, не знаешь, кто мы? — верещал второй, подпрыгивая. Того и гляди, вопьется острыми иглами зубов!

— Темнота! — орал третий. — Да мы же самые лучшие каменные котлы! Только при помощи каменного котла можно приготовить самое лучшее зелье! А скалок говорящих не бывает!

— Самые лучшие каменные котлы? — растерянно повторила я.

Ну, кое-что о таких котлах я слышала. Краем уха.

Как будто бы они были очень редкими.

И дорогими.

И если уж маг заполучал такой котел, то холил и лелеял его. А не сваливал в угол на темной кухне!

— А почему же вы не на занятиях? Разве студенты не пользуются вами?

— Нашла дураков! Нашла дураков! — заорали эти трое дуралеев наперебой.

— Пусть другие вкалывают! Еще чего! Сидеть самой задницей в пекле!

— Да какой задницей? Ее у тебя нет, чучело!

И котлы попытались перекусать друг друга.

Я только плечами передернула. Бр-р-р, жуть!

— А как же вам удалось отказаться от работы? — удивилась я.

— Я слишком маленький! — радостно завопил один. — Во мне можно сварить только самое простое зелье!

— А у меня доньшко кривое! Я на очаге стою неровно! Все проливается!

— А я где-то треснул и подтекаю!

И они снова разразились хитрым хихиканьем, словно провернули какое-то дельце.

— Ясно все с вами, — подвела итог я. — Работать вы просто не хотите.

— Ага! — радостно завопили котелки. — Ага! Ага! Гномиха называет нас бестолковыми!

— Беспольными!

— Испорченными!

— Бракованными! — в полном восторге верещали котелки.

Испорченные помогают испорченной... как символично!

— Ну что ж... Ведите меня в свой таинственный домик, — вздохнула я.

— Пошли! Пошли! Пошли! — разорались котелки и попрыгали в сторону дверей.

А я поплелась за ними.

Дом, о котором говорили котелки, был глубоко в лесу.

Пробираться к нему надо было по свежевывавшему снегу.

И я порядком намаялась, увязая в сугробах и вытаскивая из них котелки.

Дом стоял между сосен, под глинистым обрывом. И казался частью этого обрыва, чуть выступающей вперед и занесенный снегом.

Жить в сырой глиняной норе? Перспектива так себе...

Кажется, один из котлов, тот, что треснул и подтекал, угадал мои мысли.

Он подпрыгнул что есть сил и приземлился мне прямо на макушку, пребольно тюкнув.

— Ой! — закричала я. — За что?!

— Это никакая не сырая глиняная нора! — прошипел он зло.

— Внутри дом каменный! — заверещал самый маленький котел.

— Весь каменный! — поддержал его второй котелок. — Даже потолок и полы каменные!

— Я что, вслух это сказала? — изумилась я.

— Ты так подумала! — зловеще сообщил котелок. — У тебя в глазах это отражалось!

Ну, шевелись! Открывай дверь!

Легко сказать — открывай.

Кроме снега под дверями лежала просто куча палых листьев, и я замучилась, отгребая их.

Котелки мне помогали. Сжирали с хрустом слежавшийся снег, листья, сучки.

Давились, кашляли, выплевывая всякий мусор, и снова принимались сжирать все на своем пути.

Но дверь мы откопали.

Для верности самый тяжелый котел с разгона в нее врезался, как таран.

И примерзшая дверь отошла от косяков.

— Готово! Готово! — орали котелки, скача с грохотом на каменном крылечке. — Отпирай! Открывай давай!

Продрогшая и измученная, я с нетерпением толкнула дверку, и та со скрипом отворилась.

— Живее! Скорее! Шевелись! — орали котелки, запрыгивая внутрь.

Я нерешительно ступила в дом, и в лицо мне ударил стылый запах.

Словно тысячи духов и ароматических масел были пролиты и замерзли...

Дом внутри и в самом деле был каменный.

Окна накрепко были заперты, и дымоход тоже. Его маленький котелок прочистил, спрыгнув в трубу с глинистого обрыва.

Поэтому ни листьев, ни осенней грязи в доме не было.

Даже пыли-то особо не было.

Камни, которыми был вымощен пол, были гладко обточены временем и речной водой, и выскоблены щетками с песком и мылом.

Верно, колдунья, перед тем как уйти, все вымела и вычистила.

Отмыла тяжелые столы и полки из старого мореного дерева.

Вымела золу из очага.

И свалила в кучу весь магический инвентарь!

Тут в беспорядке, прямо на полу, у очага, валялись опустошенные толстостенные стеклянные банки, пористые пробки.

Рассыпаны и перемешаны, как бобы и чечевица для Золушки, мелкие камни, полудрагоценные и кварцевые.

Старые книги в кожаных переплетах.

Свалены кучами бутылки с зельями.

И инвентарь для приготовления зелий тоже валялся тут, в куче.

Пожалуй, кроме этой кучи, иного беспорядка в доме как будто бы и не было...

— Вот чем это пахнет, — прогнусавила я, зажимая нос. Потому что дышать смесью масел и благовоний было просто невозможно!

Я с треском распахнула дверь, чтоб ветер вынес невероятный, плотный, застоявшийся запах, и окна раскрыла тоже.

— Ты замерзнешь насмерть, — заметил котелок, вывозившийся в сажу и золе дымохода.

— И умрешь, — оптимистично сообщил мне второй котелок.

— Хватит морщить нос! — прорычал самый крупный котел. — Попробуй-ка развести огонь в печи! Иначе все твои попытки тут пожить будут бесполезны!

— А... где же взять топливо? — я оглянулась. — Может, табуретку разломать?

— Какая табуретка! — зашипел крупный котелок.

— Не смей ломать мебель! — заверещал второй котелок.

— Камни, болотные камни! — кричал третий. — Тащи их в печь и тр-рескай! Трескай друг об друга!

Прозрачные, словно бутылочное стекло, болотные камни светло-зеленого и темно-зеленого цвета тоже были свалены в общую кучу.

С трудом я вытащила три штуки. Они были идеально гладкие и очень красивые. Но чертовски тяжелые!

— Трескай! Трескай!

Два камня уложила в очаг. А третий с трудом подняла повыше и бросила на них.

Камень с грохотом упал, но ни малейшей искры не было.

А меня отбросило прочь от очага.

— Не выходит? — жалостливо спросил маленький котелок.

— Не получается, — разочарованно протянул второй.

— Может, надо больше камней? — неуверенно спросила я.

От холода у меня уже зуб на зуб не попадал. Каменный дом промерз насквозь. И его стены будто высасывали из меня тепло и жизнь.

И поднятие тяжестей согреться не помогало.

Я только измучилась сильнее.

Разведи я в очаге пламя из обычного хвороста — это не помогло бы мне согреться. Нет.

— Попробуй еще, недотепа! — сердито скомандовал большой котелок. — Нечего носом шмыгать! Ты собираешься бороться или сдашься при первой возможности?

Что ж, он прав.

Если я сдамся, то мне либо придется очокуриться в этом каменном мешке от холода, либо с позором вернуться домой, где меня ждет мой жирный женишок.

И куча тумачков и оплеух от мачехи.

А если попробую еще раз, то хоть намучаюсь всласть!

Я подняла брошенный камень и снова затолкала его в очаг.

А сама вернулась к куче сваленного добра.

Хотела отыскать камень поменьше.

Затолкала руку в осыпающиеся перемешанные мелкие камешки и нащупала идеально гладкий бочок.

И камешек-то не такой уж большой...

Я нетерпеливо потянула его, рассыпая всякую магическую мелочь. Но это оказался гладкий камень розового кварца.

— Не то, — пробормотала я и хотела его откинуть прочь.

Но котелки разразились криками и стуком.

— Трескай! Пробуй! — оралли они так нетерпеливо, что можно было подумать, что и они замерзли до костей.

В отчаянии, лишь бы только каменные истуканы перестали орать и греметь, я запустила камень в очаг, и он вдруг высек искру!

— О, получается! — завопили котелки. — Еще, еще давай!

Я в изумлении взяла кусок розового кварца в руку, повертела его.

От волшебной искры он стал явно теплее.

Я даже согрела о него ладонь!

Только вот...

— Но он же не зеленого цвета! — заметила я.

— А какого? — удивились котелки.

— Вы что, цвета не различаете? Тоже мне, помощнички!

Я взяла камень удобнее и увереннее долбанула им по прозрачным зеленым.

И — о, чудо! — веселое зеленое пламя тотчас заплясало над красивыми стекляшками. Жар рванул вверх, выдавил стужу из дома в несколько секунд, окутал меня густым коконом.

И только теперь я поняла, как устала и измучена.

И рухнула прямо на пол, который тоже начал прогреваться от магического тепла.

— Получилось! — заверещали, запрыгали котлы.

И от избытка чувств снова попытались перекусать друг друга.

— Признаться, не думал, что у тебя получится, — пробормотал самый крупный котелок.

— Не получится? — удивилась я, подкладывая в огонь еще болотных камней. — Это еще отчего?

— А ты думаешь, что погасший очаг великой волшебницы каждый день разжигают все, кому не лень? — сварливо ответил котелок, хитро прищурившись. — Не-ет. Значит, есть в тебе что-то такое...

Я не стала слушать его.
Радость от обретения дома меня просто оглушила.
Теперь ведь это все-все-все мое!
Теперь мне есть где жить. А значит, точно не нужно будет возвращаться к мачехе!
Я еще и еще подкидывала камней в огонь, чтобы как следует прогреть и просушить дом.
Они вспыхивали как-то разом.
От их веселого пламени по комнате, по стенам и потолку, танцевали зеленые таинственные огоньки.

Дом в этом свете выглядел таинственно, но не пугающе.
Наоборот.
Я словно слышала шелест лесной листвы, запахи папоротников.
Воздух был свеж и полон щебетания птиц.
А камешки, из которых были сложены стены дома, все оказались нечерными, а разноцветными — коричневыми, красным, песчаными.

От очага шло такое густое тепло, что я поспешила размотать шаль и стащила шапку.
Полы нагрелись мигом и стали теплыми, как в летний день на солнечной полянке.
Полки и столы из толстых крепких досок, подсыхая, чуть потрескивали.
А я, сложив одежду на скамейку, пошла осматривать свои новые владения.
И котелки за мной следом попрыгали.
— Крыша над головой — это чудесно, — заметила я. — Но нужно еще и что-то есть.
— Зачем есть? — удивился один из котелков.
— Потому что это вкусно, дурень! — выкрикнул другой.
— Потому что живым существам из мяса и крови нужно есть, чтоб жить! — огрызнулся третий, самый крупный.
— Чем зарабатывала на жизнь эта ваша волшебница? — спросила я. — На что она жила?
— Ясно чем: содержала магическую лавку! — прокричал радостно мелкий котелок.
— Варила зелья, — встрял второй.
— И собирала камни и ингредиенты для волшебства, — ответил третий, внимательно на меня глядя.

Вот что он так уставился?
Смотрит испытующе.
Словно оценивает меня.
Или ждет чего-то.
— Ну, собирать камни-то и я смогу! — радостно воскликнула я, оглядев сваленные в кучу сокровища старой колдуньи.
— Ты-ы? — удивился крупный котелок. — Ты разве в этом разбираешься?
— Шутишь? — рассмеялась я. — Жить с гномами и не понимать ничего в камнях?!
Я подобрала наугад на полу горстку камней, обдула с них пыль и мусор, покатила в ладонях.

— Вот это гранат, — я показала котелкам ярко-красное темное зерно. — А вот это малахит. А это лазурит, как будто бы.
— Верно, — недоверчиво произнесли котелки в один голос.
— Вот сейчас я все это разберу, — оптимистично произнесла я, оглядев кучу, — разложу все по полочкам, и тоже начну торговать камешками!
— Сейча-а-ас?! — протянул большой котелок, негодуя. — Да это собиралось несколько лет! Может, даже десятилетий! А ты собралась перебрать это все... сейчас?! Глупая девчонка! Думаешь, это так просто?
— Ты просто не бывал на кухне у моей мачехи, — серьезно заметила я. — Пробовал разобрать три мешка гороха, чечевицы и бобов?

— Она что же, Золушку из тебя хотела сделать?

— Нет, — отрезала я. — Покупала самую дешевую крупу. Та, что просыпается из разорванных мешков. Ну а я перебирала и сортировала ее.

В куче сваленных вместе вещей я отыскала красивый, натертый до блеска чайник, несколько грубых глиняных чашек с примотанными пеньковой тонкой веревкой ручками из гладко обструганных деревяшек.

Отыскались и свечи.

И простые, восковые, и с эфирными маслами.

Их я расставила по полкам столам и зажгла разом.

Стало сразу намного светлее и уютнее.

— Эй! Что за расточительство! — верещали котелки. — Сожжешь все сразу, а потом чем будешь освещать дом?!

— Хотите спотыкаться в потемках и разбить свои каменные носы? — весело спросила я, расставляя зажженные свечи на столе.

И дом изнутри вспыхнул теплым ласковым светом, словно янтарный.

Впрочем, может, так и было.

— А воду ваша волшебница где брала? — спросила я у котелков.

Те переглянулись.

— Так кое-где, — скрипуче отозвался большой котелок.

— Снег тебе чем не вода! — поддакнул средний.

— Скрываете что-то? — усмехнулась я. — Летом-то снега нет! Ну, ладно... кто не знает, где вода, тот и чая не получит.

— Чая! — воскликнул третий котелок. — А заваривать-то ты что будешь?!

— Тут куча трав, — ответила я, продолжая копаться в куче. — Вот в этом пакете, как будто, ромашка. А тут лаванда и мелисса. Очень успокаивает.

— Ты и в травах разбираешься?! — вскричали котелки.

— Гномы же в них не сильны?!

— Я полукровка. Забыли? — рассмеялась я. — И кто знает, кто у меня в родне!

Чайник я плотно-плотно набила снегом.

Пока снег топился и закипала вода, я принялась дальше разбирать сваленные в кучу вещи.

Вытащила и выставила отдельно рядом большие толстостенные банки.

На некоторых из них даже сохранились наклейки с названиями того, что в них раньше лежало.

Отлично! Тем проще будет разбирать.

Вытянула из кучи книги в кожаных переплетах.

Страницы у них были из серовато-желтого пергамента, толстые и шершавые.

Испещренные картинками, мелкими и большими.

С рецептами, с описаниями камешков, растений, корешков и прочего сырья, нужного и годного для изготовления зелий.

Книги я аккуратно обтерла передником, смахнула пыль и мелкий мусор с их корешков и расставила по полкам.

Серые бумажные пакеты с травами, которые сохранились неповрежденными, я отряхивала от мелкого мусора, от пахучих рассыпавшихся цветков, и складывала на столе пачками.

Кроме камешков и травок в куче было просто огромное количество ключей.

И бронзовых, потемневших и позеленевших, и серебристых, и даже золотых!

Я собирала их и складывала аккуратными кучками на столе, по цвету.

— А ключи от чего? — спросила я, перебирая свою добычу.

— От чего-то! — язвительно ответили мне каменные засранцы.

— Не хотите говорить? Сама разберусь!

Чайник уютно засвистел носиком.

В бурлящий кипяток я покидала знакомые травы.

Насыпала горстку сушеных ягод — земляники и смородины, — и оставила чай настаиваться.

А сама решила немного передохнуть после раскопок и с найденными ключами пошла по дому.

Видно, комната с очагом служила старой хозяйке одновременно кухней, столовой и, собственно, лавкой.

Помимо нее, в маленьком коридорчике, я обнаружила еще три двери.

И все они, конечно, были заперты.

На темной крепкой двери одной из них висело старое тусклое зеркало.

В нем я увидела свою перепачканную сажей и пылью физиономию.

Ни дать, ни взять — замарашка из сказки.

— Ох! — воскликнула я, пытаюсь оттереть передником щеки. — А ванная-то тут есть?!

— Ванная? Зачем волшебнице ванная?! — удивился котел, прыгающий за мной.

— Как зачем? Мыться! Разве она не пачкалась?

— Пачкалась, наверное — не очень уверенно ответил котелок. — Но ведь ей достаточно было ключа, чтоб все исправить.

— Колдовство вместо горячей воды? — ужаснулась я. — Что, и мыла у нее не было?!

— Не знаю, — ответил котелок неуверенно.

— Ну, а если у нее вдруг зачесалась бы спина, чем бы она ее терла?

— Песком! — обрадованно ответил котелок. — Щеткой и песком!

— Ага! Значит, щетка у нее все-таки была!

— Конечно! Конечно, была! А как без щетки-то?!

Среди бронзовых ключей я отыскала один, украшенный отлитой морской раковиной.

Сунула его в замочную скважину, повернула, и — крак! — замок щелкнул, отпираясь.

За дверью, как я и предполагала, оказалась ванная комната.

Крошечная совсем. Выложенная серыми камешками по полу и стенам.

Вместо ванны — каменный то ли колодец, то ли бочонок в углу.

На каменной скамеечке — небольшое ведро, несколько щеток — и круглых, удобно лежащихся в руку, и с длинными ручками.

И песок в кадучке.

Котелок оказался прав — никакого мыла у колдуньи не было!

— Мыло-то придется сварить, если хочешь отмыть свои круглые щеки! — язвительно произнес котелок. — Справишься с этим?

— Попытаюсь, — твердо ответила я.

Не песком же тереть лицо, в самом деле!

Гномы варили мыло из жира свиней.

Но иногда, когда у мачехи такого не было, или было отчаянно жаль толстого шмата сала, она посылала нас с Розы в лес.

За корнями мыльнянки.

Мыло из нее получалось так себе.

Мылилось неважно.

Пахло приятно, это верно.

Но чтобы хорошенько отмыться, нужно было измылить весь кусок!

Никакого свиного жира в доме волшебницы, разумеется, не было.

Зато в куче камешков и прочей мелочи я все-таки отыскала серый бумажный пакет с корнями мыльнянки.

— Немного корней, — бормотала я, — немного лавандового масла... немного соли и щепоть едких цветов желтой скороспелки...

Отыскивая нужные ингредиенты, я сама не заметила, как разобрала четверть кучи.

Теперь книги — все до единой! — стояли на полке.

Пакеты с травами тоже как-то ловко были пристроены на полке пониже.

Притом я умудрилась рассортировать из по видам растений.

Лекарственные, ароматические, просто полезные в хозяйстве...

Кроме банок, склянок и пузырьков я отыскала и каменную ступку с пестиком.

Она очень мне пригодилась. Ведь соли в доме волшебницы не было, как и сахара.

Так что пришлось растолочь соляной белоснежный камень, сверкающий, как драгоценный самоцвет.

Меленькие бутылочки с ароматическими маслами были украшены ярко вспыхивающими стразами.

Поэтому отыскивать их было одно удовольствие.

И расставлять на деревянной полке — тоже.

Их сверкающие бока очень красиво смотрелись рядом с сушеными букетами ароматных трав и белыми толстыми свечами...

Я отыскала деревянную ложку, чтоб мешать отвар, и кочергу.

Лопатку для золы и щипцы, чтоб снимать со свеч нагар.

Фарфоровые тарелки и глиняные глубокие толстостенные миски.

Но никак не могла отыскать самого главного — котелка, чтоб сварить мыло.

Поэтому ухватила самого маленького зубастого помощника за уши и усадила его прямо в пылающие камни.

— Караул! — завопил он, когда пламя облизнуло его черные бока. — Помогите, горю!

— Не горишь, — отрезала я. — Ты предназначен для этого, забыл?

— А вот и нет! Вовсе нет! — заспорил со мной котелок. — Раньше я был головой каменного великана! Думаешь, головы годятся для того, чтобы в них варили мыло?!

— Твоя как будто бы годится, — ответила я весело, наливая в него воды из чайника и добавляя несколько капель пахучего елового масла. — А что с тобой такое случилось? Как вышло, что от тебя одна голова осталась?

— О-о-о! — трагично провыл котелок, забыв о том, что минуту назад был против варки в нем мыла. — Это было очень-очень давно! Я был так молод!

И он пустил слезу.

— И что же?

Я быстро-быстро толкла соляной камень в каменной ступке.

— Могуч!

— Правда?

— Силен!

— Ого!

— Высок и строен!

— Ленив и прожорлив! — едко подхватил самый большой котелок.

— А ты не перебивай! — взвился котел на печи. Вода в нем почти закипела. Он подпрыгнул, злясь, и она плеснулась на камни. От них тотчас пошел острый аромат ели. — Это моя история! Рассказываю, как хочу!

— В самом деле, — насыпая в него соль, поддержала маленький котелок я. — Занялись бы лучше делом, чем перебивать.

— Так чего делать-то? — удивились котелки.

— Воды вскипятить мне для ванны, — ответила я. — Живо только! Мыло скоро готово будет. И мне надо будет помыться как следует.

Признаться, я хитрила.

Думала, пустоголовые котелки забудут, что не хотели выдавать мне, где колодец, из которого волшебница брала воду, и попрыгают туда.

Но они не забыли.

— Это мы мигом! Это сейчас! — завопили они и запрыгали в сторону дверей.

Усердно скача, они набивали в свои головы снег и неслись обратно, с визгом и воплями.

Прыгали в огонь рядом с кипящим собратом, надували щеки, задерживали дыхание.

И вода в них вскипала в один миг.

А они прыгали в ванную комнату, сливали кипяток в кадушку, и снова неслись во двор за снегом.

Я же мелко нарезала мыльнянку, всю, что нашла.

Добавила едких сушеных цветов в варево и покидала туда корешки.

Раздобыла в толстостенной банке один из камешков лазурита, мелко истолкла его в ступке, так, что он захрустел, как песок.

Всыпала его в булькающий отвар и помешала ложкой, чтоб загустевающее варево из мыльнянки не взялось комками.

— Чтобы лучше мылилось, — таинственно прошептал маленький котелок, в котором я варила мыло, — капни-ка пару капель лунного ириса! Во-он та бутылочка, с прозрачными камешками на крышечке. Подсказывать, конечно, нельзя. Но сделаем вид, что ты сама догадалась!

Мыло вышло на славу.

Я мешала, мешала и мешала деревянной лопаткой ароматное варево.

Скоро оно загустело на славу.

Вязкая масса хорошо отходила от стенок, и я деревянной лопаткой сформировала ком.

Он был приятного голубоватого цвета с редкими синими вкраплениями.

Я подцепила его лопаткой и переместила в подготовленную глиняную миску — остывать.

— Ура! — прокричал мелкий котелок. — Вышло!

— Иначе и быть не могло, — подтвердила я. — О, сколько наварили! Хватит и умыться, и одежду постирнуть. Только... В чем же я ходить-то буду, пока юбка сохнет?

— Да в спальне возьми одеяло! — проскрипел большой котел, вскакивая в огонь с очередной порцией снега.

— Так она закрыта, — напомнила я.

— Ну так ты оставшиеся ключи попримеряй! — сварливо ответил он. — Эх, молодежь! Всему-то вас учить надо!

С дверью в спальню пришлось повозиться.

И к ней тоже подошел бронзовый ключ.

Замок щелкнул, будто его отпирали не много лет назад, а только вчера.

И я очутилась в спальне волшебницы.

Это тоже была крохотная комнатка.

Очень маленькая кроватка стояла в углу, накрытая свежим бельем.

Атласное алое одеялко было заправлено в белый, с кружевами, пододеяльник.

А всю комнатку заполнял пышно разросшийся зеленый мох!

Он покрывал и стены, и пол. И казалось, под ним прячутся камешки, кочки.

Но он все заткал своей зеленью, и оттого все неровности были мягкими, округлыми и неопасными.

Словно это была не спальня, а чья-то уютная норочка.

Там так и хотелось свернуться в клубочек и уснуть!

Несмотря на то, что кроватка была совсем маленькая, мала даже мне, одеяло на ней было огромное.

Даже толстуху Розы можно было обернуть в два раза.

Мне оставалось только дивиться.

— Что ж за странная волшебница тут жила?.. — задумчиво пробормотала я, рассматривая стены этой чудной спальни.

Но долго размышлять мне не дали.

— Ну, где ты там? Застряла? — на пороге очутился большой котелок. — Живее давай! А то вода остынет!

Глава 4. Первый заработок

Кусок мыла был еще горячий, мягкий, как раскисшее тесто, когда я его резала и делила на куски.

Кусков получилось всего три.

Два я оставила на потом, а один отнесла в ванную.

Когда раздевалась, глубоко в кармане юбки обнаружила шкатулку из розового дерева!

Мое эльфийское наследство!

Захотелось снова открыть ее и посмотреть на забавные вещицы, что там лежали.

Но я подумала — не время сейчас.

Вечером, перед сном.

Я наиграюсь вдоволь перед сном. И рассмотрю поподробнее, что там есть еще кроме диковинных зверьков.

Так что я отставила шкатулку на скамеечку, а сама продолжила раздеваться.

Мылась я долго.

Тщательно прополоскала волосы, и они заблестели золотом.

Новенькой щеткой с длинной ручкой оттерла спину. Отмыла чумазое лицо.

Вычистила ногти, забившиеся грязью после трудного путешествия и работы в доме.

Отогрелась как следует в мыльной горячей воде.

И вещички свои напоследок замочила, как следует намылив и затерев особо грязные места.

Пусть полежат немного. Вечером постирну.

Осталась у меня одна рубашка.

Ее-то я и надела.

Чуть обсохнув, завернувшись в одеяло, я осмелилась выйти, наконец, к котелкам.

А они в мое отсутствие развлекались как могли.

Все трое расположились на печке, среди прогоревших болотных камней.

Двое подталкивали чайник так, чтоб он балансировал на ребре, а третий подставлял разинутую пасть под носик.

Теплый чай плескался в жадную глотку котла.

А когда из носика вываливалась разбухшая в кипятке ягода, котлы радовались особенно шумно.

— Вот как?! — рассердилась я. — Без меня пьете чай?! Да еще и прямо из чайника?! И наверное, все уже выдули?

Котелки, услышав мой голос, тотчас кинули свое занятие и сделали смирный вид.

Но увидев меня, страшно всполошились.

— Ты кто такая?! — заверещали они.

— Ты как-то иначе выглядишь! — вопили котелки.

— Караул! Грабят! Мошенница! Ворюга!

— Мы сейчас охрану позовем! Кто ты такая и как сюда попала?!

Я ахнула и метнулась обратно в ванну, где оставила красные башмаки.

— Вот так раз, — пыхтела я, торопливо натягивая их на мокрые ноги. — Как, оказывается, легко выдать себя! Надо быть бдительнее!

Я даже одеяло забыла набросить на плечи — выкатилась к котелкам, стуча каблуками, в одной рубашечке.

— Да я это, я! — завопила что есть мочи.

Котелки удивленно стихли и усталились на меня.

— Теперь ты, — подтвердил один из них. — Но как ты это делаешь?!

— Это такая специальная гномья магия, — попыталась наивно выкрутиться я. — Чтоб было меньше туловища надо было мыть...

— Хорошенькая магия! — возмутился маленький котелок. — Как будто добрая половина девчонки сшоркалась и уткнулась по водосточной трубе! Что за жуткие фокусы?!

Пришлось при них снять туфли, чтобы они увидели, как это работает.

— А и правда, магия, — удивленно произнес маленький котелок.

А большой котелок оглядел меня внимательно и презрительно выплюнул:

— Так ты эльф! А никакой и не гoblin! Вот почему от тебя пахнет эльфийскими ушами!

— Я эльф?!

Который раз уже меня обзывают эльфом!

Вот и Роза сказала, что наследство мое эльфийское...

Но как я в долину-то к гномам попала?!

— Эльф?! — меж тем протянул средний котелок удивленно.

— Я так и знал, так и знал! — завопил маленький котел.

— Фу, мерзость какая! — зло произнес большой котел, спрыгивая с очага. — Подумать только! Чуть нас не обманула! Дружить с эльфами — это ж надо такое придумать!

— Ни за что! — хором выкрикнули все трое.

— Прислуживать эльфу!..

— Никогда! — возопили они.

— Да я и не думала обманывать! — попыталась заверить их я. — И прислуживать мне не просила!

Но котелков было не остановить.

Ругаясь и порываясь, они пропрыгали до порога и исчезли за дверью.

А я осталась одна.

Обиженная, расстроенная и никому не нужная... эльф.

Эльфийка.

Похоже, эльфы не такие уж хорошие создания, если их тут не любят.

Как бы узнать о них побольше?

Шмыгая носом, расстроенная и несчастная, я налила себе остатки чуть теплого чая — кстати, больше всего ягод оказалось на дне, — и пошла поискать ответов в книгах, расставленных мной на полках.

Многого узнать я не успела.

В одной из книг отыскала только описание внешности — там было написано, что у эльфов уши острые. И сами эльфы тонкие, хрупкие, длинноногие создания.

А у меня так и было!

Я-то всю жизнь думала, что просто отлежала уши в незабудках, где гном-дед меня и отыскал!

Да только пока я босиком вертелась перед зеркалом, рассматривая себя так и этак, в дверь кто-то стукнул.

Она закричала, и я обернулась, обрадованная.

Думала — это котелки вернулись. Передумали удирать от эльфов.

Но как бы ни так!

К моему величайшему удивлению, в двери бесцеремонно, как к себе домой, завалился... Кит!

А тут я стою.

В одной рубашечке.

Босиком!

В моей голове молнией пронеслась мысль о том, что Кит-то меня видит в моем настоящем облики!

Этого только не хватало!

— А-а-а-а! — заверещала я, прикрываясь книгой, как щитом.

Хорошо, что она была большая.

От неожиданности, от моих воплей Кит поскользнулся на пороге и грохнулся на задницу, вытаращив глаза.

— А-а-а-а! — завопил и он. — Ты кто такая?!

— Нет, это ты кто такой?! — нервно взвизгнула я, не особо соображая, что говорю.

А вышло-то ладно, подумала я.

Как будто я и правда его вижу в первый раз.

Главное, чтоб он не сообразил, что я и гномиха в красных башмаках в кабинке — это одно и то же лицо.

— Я-то тут учусь! — вскричал Кит.

— Где? В этом доме? Что-то я не вижу тут парты и школьной доски! — съязвила я.

— В академии я учусь! — огрызнулся Кит, приходя в себя и поднимаясь. — А этот дом находится на территории академии! А вот ты что тут делаешь?

— А я тут живу! — дерзко ответила я. — И дом, хоть и находится на территории академии, а ей не принадлежит! Так что нечего тут шлаться! Это мой дом, ясно?!

Это я вспомнила, как котелки обсуждали жилище волшебницы.

Академии оно не принадлежит.

Значит, выгнать меня отсюда никто не сможет!

Кроме хозяйки, разумеется. Но она, как будто бы, померла.

— Это дом волшебницы! — не уступал мне Кит. — С каких это пор он твой?!

— С тех пор, — отчеканила я, — как мне удалось развести в очаге огонь! Ясно?

Кит с удивлением уставился на печь.

Камни, из которых она была сложена, все еще хранили тепло.

Чайник, что стоял в остатках золы, на горячих кирпичах, свистел носиком.

Видно, ночью будет буря...

— Что?! — поразился Кит. — Но... как тебе удалось? Нет, ты врешь! Я не верю! Ты, верно, жгла здесь хворост? Многие же пытались! И волшебники посильнее меня! И уж тем более тебя, мелкой девчонки! И ни у кого не получилось...

Я торжествовала.

— А что, маги в этом мире водятся только в этой академии? — злорадно проклекотала я. — Есть и за ее стенами... посильнее тебя!

Кит прищурился.

— Да что ты говоришь!

— Да! — храбро ответила я. — Это... такая специальная эльфийская магия!

И, чтоб еще больше поразить его, я вытянула из недоразобранной кучи болотный камень и уложила его в печь.

Потом отыскала розовый нежный кварц.

Как можно небрежнее кинула его к зеленому камню, и от искры вспыхнуло веселое магическое пламя.

У Кита глаза на лоб полезли.

А я ощутила себя хозяйкой положения.

Даже важно выставила вперед босую ножку, подбоченилась.

И небрежно помотала найденным стареньким кухонным полотенцем, разгоняя магический жар, исходящий от печи.

— Понял? Какой еще хворост? Ну, чего приперся? — грубовато, словно сама была каменным котелком, спросила я, чуть отступив в тень.

Все же я была не одета.

Нижняя рубашка — это не тот наряд, в котором можно разгуливать перед мужчиной.
— Мне нужна яшма! Яйцо из перепелиной яшмы! И покрупнее! Для... хм... Для одного зелья.

А мужчина был... хм...молодым и очень привлекательным.

Сейчас, в простой одежде, лишенный лоска аристократа, он походил то ли на отчаянного искателя приключений, то ли на расхитителя гробниц.

И этот образ шел ему больше изысканного пальто и шелкового галстука.

Высокий и мужественный, широкоплечий, с яркими влекущими глазами.

С обаятельной улыбкой.

Ах, какая улыбка была у этого негодяя!

Я почувствовала неясное томление в груди и невольно сделала маленький шагок к нему, чтобы получше рассмотреть его красивое лицо в отблесках пламени.

О, как мне нравилось видеть изумление в его огромных, красивых глазах!

Изумление оттого, что я смогла справиться с очагом великой волшебницы.

Он теперь смотрел на меня не как на пустое место.

Но как на величайшее чудо!

И это льстило мне.

Сердечко мое сжималось от восторга и ликования.

Потому что мне удалось поразить этого зазнавшегося красавчика до глубины души!

— Како-ой...

Надеюсь, мой возглас, полный обожания, он принял за возглас осуждения.

Может быть.

На нем были темные брюки, темная куртка, полотняная рабочая рубашка — порядком заляпанная неотстирываемыми пятнами, — и крепкая кожаная сумка через плечо.

На руках — кожаные перчатки.

Словно Кит берег руки от какой-то грязной — или небезопасной работы.

— Яшму ему!.. Так ты пришел дом мой ограбить! — сообразила я. — Воришка! И не первый раз, думаю?! Ты брал тут самоцветы без спросу?!

Кит покраснел.

Стыдливый румянец ему тоже шел.

Так его лицо становилось еще ярче, а ресницы казались еще чернее.

— Но дом стоял бесхозный, — в свое оправдание сказал он. — А самоцветы тут самые отборные. Разные зелья и магические порошки из них получают самые лучшие.

— Еще бы! — хмыкнула я. — И, главное, камешки-то были бесплатные.

Кит вскинул на меня огненный взгляд, от которого у меня дух занялся.

Ох, я думала, у меня пятки припечет от огня, который был заключен в этот взгляд!

Но Кит снова опустил взгляд и нахмурил широкие брови.

— Ну, хорошо, — покладисто произнес он. — Чего ты хочешь за самое ровное, самое красивое и самое отполированное яйцо из яшмы?

— Станный вопрос, чего я хочу, — ядовито отозвалась я. — Разумеется, денег!

За весь день, полный приключений и тревог, у меня во рту была лишь ложка меда гномихи Кетчихм.

Да вот еще горстка раскисших в кипятке ягод.

Живот отозвался скучным бурчанием на мое требование денег.

— И... сколько же ты хочешь за свой товар? — терпеливо произнес Кит.

Я снова усмехнулась.

Что странная привычка появилась у меня — вести себя так, будто я насквозь вижу собеседника?

И разгадываю каждую его хитрость?

— А это зависит от веса, — ответила я.

Все ж жизнь с гномами полезная штука, если хочешь научиться верно оценивать камешки и уметь торговаться!

— Хорошо, — так же покладисто произнес Кит. — И где же ваши весы, госпожа волшебница?

— Доверимся вашим, — все так же едко и хитро ответила я. — Не зря же вы их тащили с собой в этой сумке, господин мародер? Они наверняка точны и хорошо отрегулированы. Вам же зелье готовить. Значит, вес ингредиентов должен быть очень точным. А я пока не разобрала все вещи. Мои весы не готовы к работе. Но разве можно отказать первому покупателю из-за такой мелочи!

Кит снова покраснел до ушей.

А в меня словно бес вселился!

Если я эльф, то эльфы чертовски зловредные ребята.

Я смеялась, улыбалась до ушей и таращилась на смущающегося молодого человека безо всякого стеснения.

Будто это не я, а он стоял передо мной в одном исподнем.

И не мне, а ему должно было быть неловко.

И ему было неловко.

Оттого, что он залез в мой дом, который полагал свободным.

А я его поймала.

Оттого, что я хожу перед ним почти голышом.

А ему позарез нужна эта яшма, да так, что удрать он не может.

— Ну, что ж ты встал? — поддразнила я его, оборачиваясь к нему спиной. — Доставай свои весы, воришка. А я поищу яшму.

Я знала, что пламя в печи просвечивает насквозь мою рубашку.

Знала, что оно обрисовывает мой черный силуэт золотым и магическим зеленым свечением.

И... все равно не стеснялась и не пряталась от Кита.

Мои волосы просохли, чуть распушились и завились золотыми пружинками на висках.

Щеки разгорелись, как маков цвет от жары.

Без башмаков, на цыпочках, я ступала по нагретому полу тихо-тихо, как кошка.

И при каждом шаге мои бедра соблазнительно покачивались.

Так соблазнительно, что за своей спиной я услышала, как Кит гулко сглотнул.

Он пялился на мои ноги, обведенные золотым светом огня, на мои золотые волосы, струящиеся по спине, и оторваться от этого зрелища не мог.

— Как там у тебя с весами, готово? — со смехом спросила я, обернувшись к нему и глянув через плечо.

Мы встретились взглядами.

Кит тряхнул головой, избавляясь от наваждения.

Лицо у него было такое рассеянное, что я рассмеялась снова.

— Да, да, сейчас! — пробормотал он, стаскивая с плеча сумку.

Разумеется, я угадала.

Она была полна инструментария.

Этот мошенник даже ступку с пестиком притащил!

Хотел крошить мои же камни на моих столах!

Ну и нахал!

Пока Кит собирал и налаживал весы, я отыскала в куче добра несколько нужных камешков.

Все они были как на подбор ровные, блестящие, полированные.

Без сколов и царапин.
Только размера разного.
— Ну, который их них?
Я протянула Киту ладони, полные камней.
И тот, тушуясь, выхватил один камешек, словно горячую картофелину из костра.
Будто ожегся о мои руки.
Пальцы его, устраивающие яшму на чашечке весов, заметно дрожали.
— Маловат, — пробормотал Кит, устанавливая на другую чашечку гирьки.
И я смело сняла камешек и положила другой, покрупнее.
— Этот, как будто бы, подходит, — несмело пробормотал он.
— Ты не стесняйся, — великодушно произнесла я. — У меня их еще много. Всяких разных. Подберем точный размер.
Кит поднял на меня взгляд снова.
Впервые взглянул прямо.
— Ты очень красивая, — вдруг отчетливо произнес он.
Да так, что ухмылочка сползла с моих губ.
Кажется, я ахнула. Громко.
— Что...
Пальцы мои разжались, и камешки покатались по полу.
А Кит все смотрел и смотрел, прожигая мою душу насквозь своим огненным взглядом.
— Красивая, — повторил Кит, рассматривая мое тело сквозь рубашку. — Но недобрая.
Не надо так.
— Как — так? — дерзко уточнила я.
— Дразниться не надо, — холодно отрезал Кит.
Он взял камень с весов, закинул в сумку.
Лицо его стало холодным, отчужденным.
Словно он закрылся от меня.
— Камень весит ровно три каменных мерки, — отчеканил он. — Сколько с меня?
Не знаю, почему я стояла и смотрела на него с ненавистью.
Словно моя первая, неумелая игра была разоблачена.
Словно меня обманули в лучших моих ожиданиях.
— Не любишь эльфов? — зло произнесла я, чувствуя, как слезы уже закипают где-то в глазах.
— Что за глупость, — буркнул он, разбирая весы и складывая их в сумку.
— Был у тебя кто-то? Ты кого-то любил?
Вопрос, что я задала, был ревнивый, злой и глупый.
Еще и неприличный.
Спрашивать у мужчины, спал ли он с кем-то...
— Это не твое дело, — ответил Кит уже сердито. — Моя жизнь. Люблю кого хочу. Думаешь, ты одна на свете такая красивая? Ну, так что с деньгами?
— Три мерки, — хрипло ответила я. — Три серебряных. Как будто не знаешь расценок.
— Расценки-то гномьи. Грабительские расценки.
— Гномы камни добывают. Обработывают их. Полируют. Они знают в них толк и цену им. Не устраивают цены — ищи магазин подешевле! Или возьми кайло и раздобудь камень сам.
Кит смолчал и на эту колкость.
Он выложил на столешню три серебряных, сверкнувших в свете огня.
Накинул сумку на плечо и поспешно вышел вон.
Одна из стен комнаты вдруг загрохотала, задвигалась.

Камешки, выстилающие ее, разобрались, открывая небольшую окно-витрину из толстого стекла.

Прилетела из ниоткуда старая табличка, написанная на картоне.

«Магическая лавка открыта» — гласила она.

Уцепившись потертой веревочкой за гвоздь над витриной, эта картонка смачно шлепнулась о стекло и там замерла.

А я в слезах шлепнулась у печи на зад, уткнулась лицом в коленки и разревелась во все горло.

Потому что, кажется, влюбилась — впервые в жизни.

Глава 5. Как подписать гномий контракт

Любовь любовью, а кушать хочется всегда!
Наревевшись как следует, я отерла щеки и глаза и решила пойти к гномам.
Потратить честно заработанные серебряшки на еду.
А то мой живот завывал от голода горше и громче меня.
В куче добра волшебницы я отыскала хорошую, крепкую корзинку.
Одежду хорошенько состирнула в кадке с мылом и щелоком и высушила на горячем боку печки.
Высохнув, она стала светлой и мягкой, приятной к телу.
Снова напялила ненавистные красные башмаки, повязала шаль и натянула шапку, подаренную мне юным гномом.
Зажала покрепче в кулаке серебряные монеты.
И вывалилась за порог, на мороз.
А мороз к вечеру крепчал.
На небо вскарабкался тонкий яркий месяц.
Стоило мне перешагнуть порог дома, как моя новенькая витрина снова захлопнулась, и таблички с объявлением об открытии лавки не стало видно.
Магия!
Где раздобыть съестного, кроме как у гномов, я не знала.
Но, думаю, ни один гном не будет против заработать серебряный за горстку муки и немного яиц.
К Кетчхим я идти не хотела.
Отчасти потому, что боялась выволочки за съеденный мед.
Отчасти оттого, что не хотела видеть котелки.
Предатели!
Ух, как я зла была на них! Видеть их не хочу!
Гномьи дома были совсем недалеко от моего домика.
Приземистые и яркие, они утопали в снегу, как рассыпанные шоколадные пряники.
Дымок из их труб вился и серыми нитками, словно пряжа из козьего пуха, тянулся в чернеющее небо.
В первом же домике, куда я постучала, меня радушно приняли.
Главным образом потому, что в открывшуюся дверь я сразу же сунула руку, демонстрируя серебро.
— Мне бы немного продуктов, сестрица, — приплясывая от холода, произнесла я. — Я здесь первый день. Ничего съестного с собой нету. И где взять, не знаю. Вот и я подумала, что мое серебро здешним жителям будет не лишним.
— Это уж точно! — радостно закудаhtала толстая гномиха, втаскивая меня в нагретый дом.
Внутри ее «пряник» был еще более... пряничным.
Дом был освещен золотым светом камина.
На дубовой винтовой лестнице лежала алая дорожка, а на потолочных балках были приколочены праздничные венки из лап сосен и елей, перевязанные красными лентами и увешанные красными шарами.
Муж гномихи-хозяйки, низенький и круглый, в коричневых штанах, выглянул на миг из дверей своей комнаты, посасывая трубку, и снова исчез.
Вид у него был самый что ни на есть озабоченный.
А еще у него была белая борода, как у Деда Мороза.

Который готовился к праздникам, в край замотался, и не заметил, как к его бороде прилип леденец.

— Ну, чего желаешь, сестрица? — ворковала гномиха, потирая ручки передником. — Есть свежая свиная колбаса, только вчера нажарила! А еще есть масло, свеженькое! И вот гуси — пять штук ощипала и опалила.

У меня даже руки ослабели.

В голове помутилось от вскусностей, которые она предлагала.

Слюнки потекли.

В доме мачехи-гномихи я не часто лакомилась свежей жареной колбасой!

И я не сразу сообразила, зачем гномиха мне пытается всучить так много всего.

— Да мне только поужинать, — робко пробормотала я. — А потом я найду, где кормиться...

Признаться, я ужасно боялась, что моих денег не хватит на все то, что гномиха вытаскивала из буфета.

Серебряный — это много или мало?

— Да зачем...

— Ну, сестрица, — всплеснула хозяйка в отчаянии пухлыми руками. — У тебя же серебряный. А у меня сдачи, как на грех, нет...

Серебряный!

Это значит, что на один серебряный можно купить всю эту снедь?! Всю-всю?!

Серебряный — это значит много?!

Вот как опасно не знать цен!

Мать-гномиха, конечно, отправляла меня иногда в лавку.

Но поручала мне покупать только самую тяжелую и самую дешевую крупу.

Целый мешок!

И то за него требовали три пятака.

А тут столько всего-о-о...

И хитрая гномиха твердо решила заработать целую монету!

— Ну, раз так, — решительно произнесла я, быстренько сделав вид, что совершенно не шокирована попавшими мне в руки богатствами, — то давай-ка мне пяток яиц! Кулек муки, масла... А молоко есть?

Гномиха радостно закивала головой.

За четверть часа мы доверху наполнили мою корзину всякой снедью.

Ровно на один серебряный!

И мукой, и яйцами, и добрым кольцом колбаски.

Положила гномиха и кусок сливочного желтого масла, обернутого пергаментом.

И даже жирных гусиных замороженных ножек мне не пожалела.

Отдала целый пакет.

Затем бутылку молока и мешочек с крупой.

Сварить на молоке сладкую, желтую, жирную, жарко пытящую в котелке кашку...

Чуть подсолить, добавить ложечку сахара...

И заправить ее золотым тающим маслом!

М-м-м, вкусно как!

Вдобавок крохотную баночку с медом, плотно заткнутую пробкой, гномиха мне тоже всучила.

И немного сахара.

Уж больно мне хотелось испечь дома блинов.

Я даже засомневалась, что смогу эту корзинку поднять.

Но своя ноша не тянет.

— Мне б еще шубку, — задумчиво произнесла я. — А то холодновато становится.

— Тогда это будет тебе стоить еще половину серебряного! — радостно прокричала раскрасневшаяся гномиха.

Явно завышала цену!

Я вздохнула.

Что ж, не одной мне сегодня обдирать покупателей...

— Тогда и сапожки, может, найдутся?

— А как же! — обрадовалась гномиха. — Муж-то мой скорняк. Какие угодно шкурки выделает. А я сшиваю их в шубы и шапки! Могу и меховые сапоги стачать.

— Давайте! Самые большие! И санки бы мне. Хоть какие, хоть старенькие... а то не дотащу все до дома.

Шубу я накинула на плечи, а в сапоги — новешенькие, из гладкого оленьего меха, — сунула ноги прямо в красных башмаках.

— Чтобы не украли, — подражая гномам, сурово произнесла я.

Гномиха мне поверила.

Оберегая свое добро, ее народец еще и не такие странности творил.

— А что это за венки у вас по всему дому развешены? — спросила я. — Что за праздник вы празднуете?

— Разумеется, новый гномий учебный год! — воскликнула гномиха. — Все начинают учиться с осени. Только гномы зимой! Приедет много юных гномов. Они все поступят в Академию. А после в лесной хижине, в Убежище Лоботрясов, будет грандиозный праздник! Танцы и угощение. Поступление гномов мы празднуем с особым размахом! А венки... ты же знаешь, что тот, кто под ними окажется, должен поцеловаться? Традиция!

Я покраснела от мыслей, посетивших мою голову.

— А можно мне... один венок? — несмело попросила я. — Повешу дома. Красиво же.

Я вдруг сильно-сильно пожалела, что венка не было, когда Кит нечаянно вломился в мой дом.

Тогда бы я его не отпустила так просто!

И у меня был бы законный повод к нему прикоснуться...

— Да разумеется, можно! — болтала гномиха. Поверх моей корзинки она положила и веночек с красными украшениями.

— А ты уже контракт-то подписала? — спросила вдруг она, когда мы привязывали мою тяжеленную корзинку старой веревкой к стареньким санкам, которые гномиха мне тоже любезно продала.

— А? — удивилась я. — Контракт?! Сейчас?!

Гномиха только всплеснула руками.

— Бедное дитя! — вскричала она. — Как же тебя послали в Академию, ничего не сказав и не объяснив?! Даже не собрав толком! А потом ведь спросят строго! Ты ведь не работница у мисс Кетчхим?

— Вовсе нет! — холодея, выкрикнула я. — Конечно, не работница! Я студентка!

— Точнее, будешь ею, если успеешь подписать контракт, — уточнила гномиха.

Ну, Роза!

Все она продумала, итить ее!

Я-то думала, что подписание контракта с Академией — это какой-то особый ритуал.

Всех собирают, говорят долгую и пафосную речь, а потом под бой барабанов студенты подписывают клятвы кровью.

Но все оказалось не так.

— Если успею?! — уточнила я.

— Ну да! — кивнула гномиха. — Прочие-то гномы-студенты с утра уже ищут снежноцвет.

— Это что еще такое?! — я так и обмерла.

— Камень такой, — терпеливо пояснила гномиха. — Прозрачный, как сосулька. Его кристаллы похожи на острый карандаш! Этот камень можно найти лишь зимой, в сугробах. И кто найдет — тот зачислен.

Я так и обмерла.

Ну, Рози!

Про снежноцветы она наверняка знала!

И не хотела возиться в снегу!

Вот и втравила меня в это дело, лентяйка!

— И зачем нужны эти камни? — спросила я, ни жива, ни мертва.

— Как это зачем?! Как это? — гномиха презрительно фыркнула. — Это глупые люди поступают в Академию и выбирают факультет по настроению! Что в голову взбредет! А гномы-то не дураки! Гномам подсказывает магия! И для этого нужно камешек отыскать!

Я прост остолбенела и боялась пошевелиться!

— И эльфы? — спросила я.

— Что? — удивилась гномиха.

— Эльфам тоже нужно камень отыскать? — уточнила я. — Ну, они тоже должны так спрашивать у магии?

Гномиха фыркнула.

— Уж будь уверена! Если б эльфы пришли сюда толпой, они бы точно не стали поступать наобум! Все бы спросили у магии, как им быть! Так что давай, беги скорее к ректору и подписывай контракт! А то не успеешь отыскать камень до полуночи, и отправят тебя домой. Ведь считай не поступила!

Ох уж эта спешка!

Я чувствовала себя так, будто меня ошпарили кипятком.

И я несусь куда-то, лишь бы избавиться от этого мерзкого ощущения.

Конечно, я могла бы не переживать.

Теперь-то, когда получила дом и возможность открыть магическую лавку, я могла бы не суесться вовсе.

Могла бы жить себе припеваючи.

И о поступлении Рози позабыть.

В конце концов, она не сильно рвется к знаниям.

И не приложила никаких усилий, чтобы поступить.

По тому, как она себя ведет, ей вообще как будто бы все равно, поступит ли она.

Но я ей обещала подменить ее.

И потому поспешила к ректору, как только все свои купленные продукты привезла домой и поставила в холодильник, в ванной комнате.

Восемь часов!

Небо было уже абсолютно черным. Ночь надвигалась, а до полуночи оставалось всего четыре часа.

Когда я там успею найти эти чертовы камни?

В здании академии было пусто и тихо.

Свет горел только вдоль лестницы, да и то свечи оплыли и гасли одна за другой.

В панике я неслась по ступенькам, стараясь обогнать накрывающий лестницу мрак.

А темнота, туша злые лепестки пламени, кралась за моей спиной.

И казалось, что отпущенные мне минуты тают и сыплются, как песок в песочных часах.

Кабинет ректора я нашла лишь потому, что бежала, как мотылек, на свет.
А коридор до его дверей был подсвечен.

И его двери окружены самыми новыми свечами, ярко горящими.

А еще на дверях сияла начищенной медью табличка с именем ректора.

Леонидас Каррингтон.

Это имя я помнила почему-то отчетливее всего.

Как будто Роза мне повторила его несколько раз.

Приблизившись к дверям, я робко постучала в них.

И кабинет ректора тотчас передо мной распахнулся, словно там только меня и ждали.

— А, мисс Кегворт! — пророкотал седобородый джентльмен, гостеприимно встречая меня на пороге. Он даже поклонился мне, и я машинально присела в реверансе. — Очень, очень рад, что вы все же добрались до Академии! Я ждал вас!

«Ну и дура ты, Роза, — уныло подумала я. Ректор придвинул к столу кресло и пригласил меня присесть. Что было делать? Я и села. — Тебя тут ждали. Тебе вон как рады. Твой талант тут очень нужен! А ты там свои новые бусики выгуливаешь!»

— Очень, очень хорошо, что вы успели до полуночи, — меж тем шумно радовался пожилой джентльмен.

Одет он был... не знаю, как назвать это, но мне очень понравилось, как на нем сидит его костюм из тонкого сукна.

Очень ладно, очень впору.

Элегантно!

До этого дня я и не думала, что даже старый мужчина может быть красив.

Старые гномы больше похожи на ожившую гору шерсти.

У них свалывшиеся нечёсанные бороды и шевелюра на голове.

Штаны — даже если и парадные, — все равно украшены заплатками.

А куртки так и вовсе всегда поношенные!

Даже если пуговицы на них серебряные.

Ректор же не был гномом. И был аккуратно причесан.

Волосы на голове, белоснежные усы и борода — все лежало волосок к волоску. Муаровый жилет поблескивал в полутьме и пуговицы на нем вспыхивали огнем от света свечей.

— Осталось так мало времени, — заметила я нерешительно.

— Придется немного постараться, — весело заметил ректор.

Он присел на свое место, в ректорское кресло.

Достал из ящика стола гору бланков и один из них придвинул мне.

— Надо подписать сейчас, — весело сказал он. — Контракт на обучение. Просто впишите ваше имя, мисс.

— Но как же так, — удивленно произнесла я. — Я же не нашла этот камень!

— О, не беспокойтесь, — беспечно ответил ректор. — Находят абсолютно все, у кого есть талант. Если вам суждено учиться в Академии, вы будете тут учиться! Факультет выберете потом. Когда вам магия подскажет.

— А разве нельзя вписать сразу? — нерешительно произнесла я. — Я бы хотела поступить на факультет зельеварения.

Точнее, Роза туда мечтала поступить.

Все уши прожужжала про это.

Но ректор лишь качнул головой.

— В вашем случае это решаю не я. Это решите вы сами, когда поймете свою склонность к магии.

Он благожелательно улыбнулся, а мне стало страшно.

По всему выходило, что поступаю в Академию именно я, а не Роза.

Выбираю в соответствии со своими задатками и талантами. По своему желанию. По под- сказке магии именно мне.

И потом подмениться не получится. Потому что Роза уж точно не будет рада моему выбору. И не потянет учебу там, где мне будет легко и интересно.

Так мне показалось на миг.

Ну, Роза!..

— А вдруг у меня нет таланта? — прошептала я испуганно. — Что тогда? Меня... выго- нят?

— Как это нет таланта? — изумился ректор. — Вы здесь, милая, а этом много значит. Я вижу, вы сомневаетесь. Бойтесь. Раздумываете. Наверное, вас надо подбодрить. Не желаете ли чаю?

Следовало бы вежливо отказаться. Я же не чай сюда пришла пить!

Я вообще должна была просто поставить закорючку-подпись в контракте и спрятаться куда-нибудь. Чтобы меня никто не видел и не слышал.

Но ректор сдернул ослепительно-белую салфетку, торчавшую на его столе, как палатка.

И под ней, на огромном блюде, обнаружилась горка румяных, свежих, еще теплых пирож- ков с хрустящей корочкой!

А я голодная, как на грех.

Не успела ни блинчиков постряпать, ни куска купленной колбасы съесть.

Я сразу позабыла обо всех своих сомнениях.

Да что там сомнения — все мысли из головы вылетели!

Я видела только пирожки.

Я чуяла только их запах.

Жареные, с картошкой и шкварками...

— Вам пару кусочков сахара, больше? — заботливо спросил ректор, наливая ароматную жидкость в белоснежную фарфоровую чашечку. — Сироп? Шоколадная паста?

— М-м-м! — я только головой замотала, вгрызаясь в теплый пирожковый бок.

О, господи, как вкусно!

Это было такое удовольствие!

До отключки всех чувств сразу!

И горячий чай был очень кстати!

В один миг я проглотила пару пирожков, не жуя.

Только после этого смогла кое-как о чем-то думать.

— Наверное, мне пора, — прихлебывая чай, пробормотала я.

— О, еще кусочек! Не обижайте радушного хозяина! Да и мисс Кетчхим старалась, пекла!

Третий пирожок тоже пришелся весьма кстати.

Потом я ощутила абсолютную сытость и отставила опустевшую чашку.

— Наверное, мне пора! — снова беспокойно повторила я.

— Не подписали контракт, — весело напомнил ректор.

Ну, дела!

Руки у меня были жирные после пирогов.

Я поискала глазами, обо что бы их вытереть.

Ректор пришел мне на помощь, одолжил салфетку.

— Позвольте дать вам совет, — произнес он. — Не пытайтесь прибиться к кому-то и искать в компании. Каждый студент сам должен найти свой камешек.

— О! — только и смогла произнести я. — А это обязательно — эти поиски в снегу?

— Это показывает, насколько студент готов учиться! И насколько он хочет, — так же беспечно и весело ответил ректор. — Это демонстрирует прилежание, упорство, готовность противостоять трудностям...

Ректор все говорил и говорил, а я просто слышала, как капают минуты!
Как тает мое время!

— Обычно старшекурсники тайком помогают новичкам, — продолжал ректор, не обращая ни малейшего внимания на то, что я нетерпеливо ерзаю в кресле. — Знаете, толкут такой интересный порошок, с яшмой. И дают его тем, кто ищет.

— С яшмой! — выкрикнула в отчаянии я.

Так вот зачем Киту так срочно понадобился камень!

Ректор кивнул.

— Да, — небрежно ответил он. — Этим порошком новички посыпают сугробы, и камни отвечают свечением. Так легче и быстрее найти. Ну, если б новичкам еще помогали великие волшебники... Просто своим присутствием... Тогда поиски шли бы куда быстрее.

О, черт.

А я, как на грех, поссорилась с этим помощником!

Значит, порошка мне не дадут, и камня мне не видать, как собственных ушей!

Можно не переживать насчет поступления, все равно не поступлю.

И Рози не придется мучиться на ненавистном факультете.

Черт, черт!

Вот незадача!

Ну, Рози!.. Ну, ленивая тупица!

Впрочем, ты сама будешь виновата, если я провалю все испытания!

— Извините, мне пора! — выкрикнула я, подскакивая на ноги.

— Не подписали контракт, — снова весело напомнил мне ректор. — Ваш автограф, пожалуйста!

Он отодвинул как бы невзначай занавесь и чуть слышно произнес:

— О, весь сад обыскали. Думаю, больше тут сугробы переворачивать бессмысленно. Надо будет идти вглубь леса. М-да, а времени совсем мало. Можно и не успеть...

Ох, у меня мозг вспламенился!

Я тут сижу, чай распиваю!

— О, что это? Часы быют одиннадцать? — небрежно произнес ректор.

— Одиннадцать?!

Мне показалось, что земля уходит у меня из-под ног.

— Да, вам стоит поспешить, мисс Кегворт.

Он придвинул мне чернильницу, я с облегчением ухватила перо.

Но оно не писало, черт его дери!

Я лишь бумагу оцарапала, выводя букву Р.

Рози Кегворт.

Р, Р, Р!

И никак!

— О, дурное перо! — ректор отнял у меня испорченный бланк и непришущее перо и придвинул новый. — Попробуйте моим!

Его перо было солидное.

Золотое, кажется.

И такое тонкое, что я боялась нажать посильнее.

Мне казалось, что оно сломается.

— Живее, — подогнал меня ректор. — Часы быют. Вам нужно отыскать камень. А! Еще и отнести его в Логово Лоботрясов!

Это еще где?! Мне откуда знать?!

Бом, бом, бом!

Как будто по голове!

— Могу предложить фонарь для поисков, — любезно произнес ректор.

Ах, не до фонаря мне было!

Но все ж он вынул откуда-то небольшой фонарик и зажег его.

— Держите. Вам пригодится. Пишите же свое имя!

В панике я чиркнула на полях, пробуя, как перо пишет, и одним взмахом подписала этот контракт.

— Отлично, — произнес ректор, поспешно вытягивая его из-под моего пера. — А теперь удачи, мисс Кегворт!

— Благодарю! — выдохнула я и пулей вылетела из его кабинета.

Я бежала по лестнице под бой часов, как Золушка, в полной панике.

Не успею, не успею!

Выскочила за двери академии и едва не разрыдалась от отчаяния.

По саду, за деревьями, на поле перед академией сверкали огни фонариков.

Ночь оглашалась радостными криками студентов, отыскивавшими камни.

Желтые пятна света танцевали в темноте и стекались на одну дорожку.

То счастливики шли в Логово Лоботрясов со своими находками, горлая песни.

И только я опоздала...

— Да чтоб тебе! — в слезах воскликнула я.

Я подопнула изо всех сил каменную статую, что стояла у самого подножия лестницы, и та вдруг ответила мне еле слышным перезвоном.

Не веря своим ушам, я обошла ее кругом.

И нашла!

Нашла!

Нужные мне камешки, похожие на выточенные их хрусталя подвески к люстре, росли на ухе у каменного монстра!

— Да не может быть! — дрожащим от волнения голосом произнесла я.

Впрочем, почему не может.

На снегу вокруг статуи я увидела чуть заметное свечение.

Яшмовое.

Словно Кит и тут посыпал своим чудо-порошком.

Я потянула за прозрачный кристалл, и тот с хрустом отломился и остался в моей руке.

— Победа! — прошептала я, счастливая. — Успела до двенадцати! И до Логова успею дойти!

И лишь когда тревога и паника отступили, я вдруг с ужасом подумала...

А чье имя я вписала в магический контракт, Розы или... свое?!

— О, да что ж за напасть-то такая, с этой академией!

Я чуть не плакала, чувствуя себя измотанной от бесконечной беготни и напряжения.

Господи, как я устала!

Почему все так не гладко с этим поступлением? Как будто что-то мешает.

Все идет не так, как задумывалось!

Очень хотелось повернуть назад.

Хотелось бежать к ректору и правдами и неправдами умолять его дать мне исправить эту ошибку.

Просто посмотреть, что я там вообще подписала!

Кто вообще читает документы перед подписью?!

Я — точно нет!

Ну, или почти нет.

Помню, что в начале там были слова: «Прошу зачислить меня в Академию. Обещаю прилежно учиться и шалить в меру. Прошу у Академии защиты и поддержки в трудные времена. Обязуюсь своевременно оповестить ректора о выбранном факультете. Принимаю условия проживания и правила обучения в Академии».

Стандартные, ничего не значащие фразы.

А потом ректор сказал, что уже одиннадцать!

И я заторопилась.

Жутко заторопилась!

Да я готова была выпрыгнуть в снег через окно!

И потому написала...

Да, я точно написала свое имя вместо имени Розы!

— Дела-а-а, — дрожащим голосом простонала я.

Глянула вверх.

Окно в кабинете ректора погасло и было черно.

Значит, он куда-то ушел.

Бегать по академии, искать его?

А вдруг он уже отправился в постель?!

Вытащить его из-под одеяла?!

Нет, я еще не докатилась до такой наглости.

К тому же камень...

Я его отыскала, и теперь мне надо его отнести в Логово Лоботрясов.

Не то быть беде.

«Розы тогда точно не поступит, — подумала я. — А так хотя бы будет шанс! Ну, пройду все процедуры зачисления. А с утра схожу к ректору, скажу — допустила ошибку в контракте! Буковку не ту написала. Я же глупая темная гномиха из богом забытого поселка! Один испорченный экземпляр он же выбросил. А там у него их целая кipa! Значит, и переписать даст. Это же всего лишь бумага! И подписание — формальность! Тем более, я отыскала камень, они теперь просто не могут мне отказать и не принять из-за какой-то глупой ошибки!»

С такими мыслями я перевела дух, отбросила все мысли и сомнения и решительно бросилась вслед за уходящими вглубь леса гномами, зажав в кулаке найденные кристаллы.

Фонарь мне помог не потеряться.

Его свет увидели другие первокурсники, пробирающиеся меж сугробов.

Несколько юных гномов остановились. Подождали меня.

И подхватили под руки, смеясь. Вытащили на утопанную тропинку из сугроба.

Чуть из моих новых сапог меня не вырвали!

— Живее давай! Чего плетешься так поздно?! Одна из последних!

В одном из помощников я узнала Допи, юного гнома, с которым добиралась до академии в кабинке фуникулера.

И он меня тоже признал. Верно, по своей шапке, которую мне подарил.

Уж точно не по лицу!

Лицо-то я вымыла. И волосы расчесала.

И теперь, в шубе и в гномьих сапогах, я выглядела весьма солидно и прилично.

А не как замерзшая жалкая замарашка.

— О, это ты, смешная защитница монстров?! — воскликнул он. — Чего ж ты напрямки, да по снегу?

— Недотепа, — ругнулся другой гном, чуть старше.

— Ну, камень-то она нашла! — весело вступился за меня Допи. — Значит, не недотепа. Долго искала?

— Вовсе нет! — гордо ответила я. — Вышла из академии, подписав контракт, он и нашелся сразу.

Гномы посмотрели на меня с недоверием.

— Прямо-таки сразу?!

Я кивнула.

— Да врет!

— Не вру! Не вру! — заспорила я. — Вот только что подписала контракт у ректора, еще чернила на руках не просохли! Вышла — и вот оно!

— Ну, ты крута, девчонка! — восхитился Допи. — Наверное, будешь отличным зельеваром! Айда скорее! Магия нам расскажет, кто есть кто!

Я ужасно волновалась.

Хотя, казалось бы, мне-то что? Я же это делаю для Розы!

«Для Розы, для Розы, — твердила я себе. — Главное поступить. А проблемы с учебкой пусть разгребает она сама!»

Логово Лоботрясов, огромный дом под пиратской шляпой-крышей, было расположено в самой чаще, между старых елей.

И мне сразу стало понятно, почему оно было так далеко от Академии.

Все его окна сверкали золотом.

Изо всех труб на крыше валил дым.

А из то и дело отворяющейся двери раздавались звуки музыки, топот отплясывающих ног, хохот, крики и песни.

Очень шумное и развеселое местечко...

В самом Логове было еще более шумно.

Сразу за дверями был огромный холл, в котором ярко пылал большой камин.

Веселые гномы, принаряженные ради такого случая, болтали, смеялись, пили горячий глинтвейн.

Стояли столы с угощением.

И все студенты, прошедшие процедуру магического распределения, лопали пироги — точно такие же, какие я ела у ректора, — свиную свежую колбасу, еще шкворчащую горячим жиром, на котором она жарилась, и сладкие плюшки, посыпанные сахарной пудрой.

Мне помогли раздеться, сунули в руку кружку с горячим питьем.

— Грейся, и давай в очередь живее!

Очередь?

Прихлебывая красное сладкое вино, я огляделась и увидела действительно очередь из гномов.

Все с кружками и с кристаллами, зажатыми в руках.

И все они двигались по направлению к огромному котлу, в котором старая гномиха, здорово похожая на пиратку, яростно мешала старой деревянной поварешкой.

— Давай, давай, кидай свой камень! — командовала она каждому вновь подошедшему.

Гном кидал.

Пиратка принималась быстро-быстро перемешивать свое варево. А потом они с соискателем всматривались в булькающий котел.

И будущий студент там видел свое предназначение.

Свои тайные желания и таланты, о которых, быть может, сам не подозревал.

Я напрасно думала, что гномы все идут учиться исключительно варить зелья и добывать камни.

Да, таковых, конечно, было большинство.

Но Допи, мой доброжелательный спутник, внезапно увидел в котле боевой топор.

И пиратка захохотала, хлопнув его по плечу.

— Тебе, милый, на факультет боевых демонов! — выкрикнула она. — Эти ребята научат тебя драться и лупить молотом врагов, как следует!

Польщенный Допи, красный от смущения и удовольствия, шагнул к столам, за которым его ждали представители этого факультета.

Старшекурсники.

Настоящие демоны, о, небо!

В черной коже, сильные и высокие, с опасными хитрющими глазами!

Сидят, высматривая, кто к ним попал. Приветствуют. Оценивают.

Мурашки побежали по спине, когда я на них глянула!

От них веяло опасностью за версту.

А вот за другим столом сидел... Кит.

Ну, как же без него!

Добренький Белый принц!

Он и кристаллы помогал искать, и теперь приветствовал первокурсников!

Весь такой положительный и доброжелательный, что аж противно!

И девицы вокруг него так и вились.

Даром, что гномихи!

Но им и дела не было до того, что Кит был чуть не вдвое выше них, толстых кубышек.

И вообще не из их рода!

Он им улыбался — и они млели все разом!

Да и я, признаться, сомлела.

От его улыбки, которая даже не мне предназначалась!

От играющих на щеках ямочек.

От ласкового взгляда его глаз, от того, как бережно он обнимал будущих зельеварок за плечи.

От того, как угодливо он всех угощал пуншем и вежливо кланялся каждой, знакомясь.

Каждое прикосновение — словно ободряющий жест.

И конечно, каждая гномиха после этого чувствовала себя на вершине мира.

Королева, не меньше!

Я чуть ногой не топнула от злости.

Ну, почему он такой душка, когда дело не касается меня?!

Мне только холодные фразы кидал. Словно его от меня воротит.

И только хорошее воспитание не позволяет ему вытошнить прямо сейчас!

— Он что, зельевар? — невольно произнесла я с досадой.

В это миг мне вдруг очень захотелось тоже варить зелья!

...Чтобы иметь законную причину быть с ним рядом...

И иногда дерзит ему и выводить.

Вытряхивать его из гладкой шкурки хорошего мальчика.

Уж больно она сладенькая и неживая, эта шкурка!

Какая-то ненастоящая, что ли...

Мой вопрос не был предназначен кому-то конкретному.

Но ответ на него мне все же дали.

— Нет, разумеется, — я узнала недобрый голос Спун, зловредной гномихи.

В этом доме она работала.

Видимо, это ее пухлые умелые ручки готовили угощение для таких, как я.

И теперь, глядя, как я беспечно попиваю глинтвейн, она злилась.

Потому что я-то и еще куча гномов сейчас напляшется, наестся, и отправится спать.

А ей придется убирать столы и подметать пол за нами!

— Почему же тогда все будущие зельевары вокруг него крутятся? — спросила я.

Спун поморщилась.

— Да потому что он лекарь! — язвительно произнесла она.

Как будто я была глупенькой дурочкой.

А она мне поясняла прописную истину.

— А зельевары, — продолжила Спун, — это как аптекари. Вот мастер Кит и смотрит, есть ли среди новичков толковые.

Спун смерила меня презрительным взглядом и едко спросила:

— Что, надеешься тоже оказаться возле него только потому, что умеешь не пересаливать суп? Думаешь, он обратит на тебя внимание? И не надейся! Ничего особенного в тебе нету! Надо быть очень толковой, чтобы мастер Кит обратил на тебя внимание! Он у нас не из тех, кто волочится за каждой хорошенькой мордашкой! А таких девиц, как ты, вокруг него вертится тьма!

Я покраснела оттого, что Спун так легко отгадала мое тайное желание.

Видимо, оно было не таким уж неожиданным.

И не такими уж тайным.

Да, думаю, все девчонки в этом доме хотели бы поступить на зельеварение только потому, что потом смогут отираться рядом с Китом!

Кит меж тем поднял взгляд и глянул мне прямо в глаза.

— Хочешь присоединиться к нам? — спокойно произнес он.

Голоса я его не услышала. В этом-то гомоне и гвалте!

Скорее, прочитала по губам.

Но его нахальная самоуверенность мне не понравилась!

И то, как безразлично он это спросил.

Очень безразлично.

Так, что я поверила в то, что ничего не значу для него.

И обиженно засопела, уже не скрывая своих переживаний.

— Прямо бегу! — рявкнула я сердито в ответ. — Тапочки теряю! Освободи-ка мне местечко на своей шее, отцепи пару гномих потолкаще! Повисну вместо них!

Не знаю, понял ли он все сказанное мной.

Но только он пожал плечами чуть удивленно и снова отвернулся.

Нет, так нет.

Как будто говорил со мной, соблюдая приличия, а не ради общения!

О-о-о, как я была зла!

Меж тем очередь дошла и до меня.

Я очутилась у кипящего котла.

Старая пиратка мешала и мешала отвар.

Лицо ее покраснелось от поднимающегося пара.

Камни в котле звякали, но как-то слабо.

Словно полурастворились...

— Давай, кидай свой кристалл, чего ждешь? — крикнула гномиха. — Сейчас мы посмотрим, кого это магией занесло в Академию?

Я продемонстрировала ей свой кристалл.

Она коротко кивнула головой — годится!

И я бросила его в магическое варево.

То вскипело белым ключом.

— Ух ты, ух ты! — гномиха еле справилась своей поварешкой с бурлящим зельем. — Да у нас тут сильный магический потенциал!

— У меня?! — поразила я.

Мне всю жизнь толковали, что я никчемная! Негодная, лишена магического дара!

А тут вон оно что...

— Ну, не у меня же, — сварливо ответила гномиха. — Камень-то ты нашла?

— Я, — удивленная, произнесла я.

— Значит, и талант твой, — гномиха, наконец, размешала варево. И оно стало кипеть неторопливо, изредка булькая крупными пузырями. — Ну, смотри, что там?

Я заглянула в котел.

Сначала ничего не видела, кроме пузырей и пара.

А затем там, в темной воде, вдруг промелькнуло видение ключей.

Множества ключей!

Золотых, серебряных, бронзовых!

Оно словно пролетели мимо меня!

— Ай! — воскликнула я, отпрыгнув от котла.

Мне показалось, что они сейчас меня заденут.

Оцарапают лицо.

Вот такое реалистичное видение было.

— Что там, что там? — спрашивала пиратка.

А я ответить не могла.

Потому что мое видение, казалось, заполнило всю комнату.

И я видела, как ключи забираются во все щели, колупают самые темные углы.

И я знала, что смогу повернуть любой из них, и выведаю тайну любого предмета, который есть в этой комнате...

— Ну, дела! — воскликнула гномиха.

Она даже руки опустила.

И забыла, что нужно мешать магическое варево.

— У нас тут, похоже, Хранитель!

— Хранитель, Хранитель! — разом изумленно загомонили все, кто в этом доме был. — Да как такое может быть?!

— Давненько не было у нас Хранителей, — изумленно протянула пиратка, указав на столы с угощением.

Да, там был и стол для факультета Хранителей.

Но за ним никого не было.

Ни единого старшекурсника.

Пунш стоял нетронутый. Колбаски остывали. И сладости как будто потускнели, потому что никто их не ел.

Видно, такой талант, как у меня, встречался уж очень редко...

Я видела, как резко обернулся Кит.

Как удивленно сверкнули его темные глаза.

И я тотчас же раздулась от гордости. Потому что мне в который раз удалось его поразить!

Что, съел, Белый Принц?!

Я тебе не зельевар какой-нибудь заурядный!

И я на тебя восторженно пялиться не буду!

Это ты еще побегаешь, чтоб посмотреть на настоящего Хранителя!

А кстати, что это значит?

— Что такое — Хранитель? — спросила я у гномихи.

Та продолжила изумленно таращиться на меня.

— Ты просто-таки чудо, девочка, — ответила гномиха. — Не припомню и случая, чтоб среди гномов родился Хранитель! Это, скорее, эльфы и люди таким даром наделены.

— Да что это значит-то? Что умеют Хранители?!

— Они умеют все, — отрезала гномиха. — Открывают любую магию. Управляются с любым ключом. Но главное их свойство — хранить магию. Им можно доверить все: секрет, рецепт, сокровище или магическую вещицу. И Хранитель не только сбережет, но и улучшит. Хранителю можно отдать мертвое семечко последнего на земле растения. И Хранитель сумеет его прорастить и вырастить сад! Вот что такое Хранитель.

Глава 6. Студентка?!

Вот это попала так попала!

Вот это помогла, так помогла сестрице!

Самая редкая специальность!

Рози точно не потянет.

Да что там не потянет — у нее нет ни малейшего шанса! Потому что таланта Хранителя у нее нет!

Что же делать?

Радость моя поутихла.

Конечно, Кит удивился. Но что мне его удивление, если Рози с меня шкуру спустит?

Студенты оживились, загомонили.

И как-то опасно ко мне разом шагнули.

Будто только я и могла помочь им с какими-то проблемами.

— Тихо, тихо! — закричала старая гномиха-пиратка. — А ну, отойдите! Не все разом! Да и не сейчас! Хранитель у нас один, и тому предстоит учиться, прежде чем она сможет вам чем-то помочь! Не напирайте!

Я же не слышала ее.

И не видела никого вокруг.

Только взгляд Кита, что пронизывал меня до самого сердца.

Словно я могла помочь ему справиться с чем-то, что он давно желает достичь.

Допи, развеселившийся юный гном, налетел на меня.

— Ну, девчонка! — выкрикнул он. — Ну, молодец! Вот почему ты за монстра в кабинке заступилась!

— Почему, — безразлично произнесла я.

— Ты же Хранитель! Ты не могла позволить, чтоб такого редкого монстра уничтожили, или навредили ему! Подкроватников не так часто встретишь.

— А! — протянула я.

Мысли мои метались.

Ох, не знаю, не знаю, как выкрутиться из этой ситуации!

— Пойдем, потанцуем! — воскликнул юный гном. Кажется, глнтвейн и успех ему здорово вскружили голову. — Чего жаться в темных углах? Или вот пойдем к твоим столам и слопаем там все вкусное!

Но я была полна решимости все исправить.

— Я ведь вольна выбирать факультет, какой сама захочу? — спросила я у гномихи-пиратки.

Та как-то странно глянула на меня.

— Ну, разумеется, — ответила она. — Никто не в праве тебя принуждать. Но...

— Тогда я пойду на зельеварение! — выкрикнула я. — Никаких Хранителей! Это не для меня!

— Что! — вскричал Допи. — Да ты с ума сошла! Хранитель — что может быть почетнее и лучше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.